

Темный
роман

ВО

Серия «Полночь». Книга 2

ТЬМЕ

ДОРИ ЛАВЕЛЛЬ

Я думала, что знаю значение слову «страх». Я ошибалась. Мой мучитель — человек, настолько одержимый тьмой, что он не остановится ни перед чем, дабы удовлетворить свою большую жажду. Он хочет меня. Нуждается во мне. Жаждет меня по причинам, которые я не понимаю. Он здесь, притаился в тених, дразнит меня при каждом удобном случае. Теперь, когда я там, где он хочет меня видеть, мне нужно придумать, как дать ему отпор. Страх — его любимое оружие. Но я не собираюсь доставлять ему такую радость. Я верну свою жизнь назад.

Переводчик: Arctic_penguin

Редактор и оформитель: Рита Волкова

Глава 1

Трэвис

Я не собирался убивать своего брата, Уинстона Слейда, но, когда Уолтер (он же Лицо со шрамом) отдает приказ, ты повинешься. За несколько секунд до того, как я нажал на курок, до меня дошло, что смерть Уинстона будет благословением.

Он много лет жил жизнью, которая должна была быть моей. Если бы наша мать не отдала меня на усыновление, тогда, может быть, миллиардером стал бы я. Теперь, когда Уинстона больше нет, я намереваюсь наверстать упущенное. Но сначала я должен исполнить обещание, которое дал ему, пока брат лежал на полу и истекал кровью. Пока мы готовимся избавиться от его тела, я вспоминаю последние мои слова ему.

«Я найду Дженну, трахну ее от твоего имени в последний раз, а затем отправлю к тебе».

Я намереваюсь исполнить свое обещание.

В первый раз, когда я видел Дженну Макнелли — когда Уинстон познакомил нас — уловил в воздухе ее запах и запомнил его.

Должен признаться. Меня зовут Трэвис Слейд, и я наркоман, подсевший на запах женщин.

Нет ничего более опьяняющего, чем вдыхать аромат выбранных женщиной духов и ее природный запах в сочетании со страхом. Такой коктейль каждый раз вызывает у меня стояк. Поэтому я занимаюсь тем, чем занимаюсь. Поэтому я душу их, пытаю и убиваю. Моя жажда крови намного сильнее самоконтроля.

Аромат Дженны хранится в моей памяти. Мне нужно лишь найти ее, чтобы пробудить худшие страхи и сделать девушку моей. Тем, чем владел Уинстон, теперь мое, включая Дженну.

Мы выходим из лифта, Уолтер несет тряпки и сумку для тела. Я стою рядом с ним с другими необходимыми нам вещами, ощущаю во внутреннем кармане пистолет, которым я застрелил Уинстона.

Будучи большим боссом в клубе «Полночь», Уолтер Краус почти не пачкает руки. Я должен чувствовать себя особенным, но не чувствую. Вместо этого ощущаю себя ребенком, к которому приставили няньку. Он не доверяет мне выполнение работы.

Когда мы подходим к квартире Дженны, я улавливаю в воздухе ее запах и опускаю

взгляд. На полу из темного дерева видны капли воды.

Как только мы входим в ее квартиру, я поворачиваюсь к Уолтеру.

— Знаешь что? — говорю я, испытывая прилив адреналина. — Иди домой. Я разберусь сам.

— Что значит «разберешься сам»? Сегодня вечером ты уже порядком накосячил.

— Поверь мне, больше я тебя не подведу.

Он бросает сумку для тела и проводит рукой по жестокому шраму на его лице.

— Что конкретно ты планируешь сделать?

— Я пока не хотел бы это обсуждать. Но обещаю позвонить, как только со всем закончу.

— Не глупи, — произносит он резким тихим голосом. — Спрятать труп не детская игра.

Прекрати изображать из себя крутого парня, и приступим к работе.

Я поднимаю подбородок и смотрю ему прямо в глаза.

— Я не стану прятать труп, — говорю я. — У меня есть другой план, получше.

— О чем ты, бл*ть, толкуешь?

— Я дам тебе знать еще до наступления утра. Ты должен довериться мне в этом.

Это мой шанс доказать ему, что я не маленький мальчик, с которым ему надо нянчиться.

Он тычет в меня пальцем.

— Облажаешься еще раз, и ты труп. Я не шучу.

Я качаю головой.

— Не говори так. Мы зашли слишком далеко, ты и я.

Уолтер усмехается.

— Я не выбираю любимчиков, Трэвис. В этом бизнесе, это опасно, — он поднимает руки в воздух. — Отлично, ты устроил этот беспорядок. Разберись с ним. Позвони мне, если тебе понадобится прикрытие или доступ к ресурсам.

К моему облегчению, он уходит.

Мужик понятия не имеет, что я собираюсь сделать, чтобы стать его любимчиком, нравится это ему или нет.

Оставшись один, я подхожу к телу Уинстона и несколько секунд смотрю на него, а затем опускаюсь на корточки. Достаю перчатки, которые всегда ношу с собой, такие тонкие, что они почти не ощущаются на руках. Надеваю их и прикасаюсь к крови брата. Я в шоке, что ничего не чувствую, глядя на него, словно смотрю на незнакомца.

— Прости, что все закончится так.

Я погружаю палец в лужу его крови и растираю ее между подушечками пальцев почти досуха.

— Ты пожил хорошей жизнью. Теперь моя очередь. Уверен, что ты понимаешь.

Отталкиваюсь от пола, вставая на ноги, и тянусь в карман за своим пистолетом. Какое-то время держу его в своей окровавленной руке, а затем убираю обратно в карман.

Глубоко вздохнув, я отворачиваюсь от него и нахожу ванную комнату, где смываю кровь со своих рук в перчатках. То, что я в крови брата, одновременно волнует и вызывает отвращение.

Перед тем, как покинуть квартиру, я звоню копам и достаю свой фальшивый значок офицера полиции. А затем следую по дорожке слез и парфюма Дженны к ее тайному укрытию.

Глава 2

Дженна

Я в ванной комнате миссис Реймонд, нагибаюсь над розовым тазиком и плещу холодную воду на свое горящее лицо. Диспетчер службы 9-1-1, хотел, чтобы я оставалась на линии, но меня сильно затошнило, поэтому выронила телефон и побежала в ванную.

На фоне шума льющейся воды, я слышу мягкий стук в дверь. Выключаю кран и шаркаю к двери, у меня сердце все еще не на месте после шока, который я испытала совсем недавно.

Открываю дверь, думая, что это миссис Реймонд. Дверь с силой распахивается, сшибая меня с ног. В жилах стынет кровь, когда я вижу Трэвиса, стоящего передо мной.

— Нет, — кричу я, пытаюсь закрыть дверь, не дать ему войти, но моя сила ничто по сравнению с его.

— Привет, солнышко, — говорит он, входя в ванную комнату и закрывая за собой дверь, что мы оказываемся в комнате вдвоем.

Я пыхчу назад, пока моя поясница не упирается в край раковины.

— Не подходи... не подходи ко мне, черт подери, — хриплю я, ощущая, как мое тело сковывает страх.

Как он нашел меня? Как вообще сюда вошел? Я думала, что это миссис Реймонд пришла сказать мне, что приехали копы, а не этот монстр.

Когда на его лице появляется безумная ухмылка, я сканирую комнату на предмет оружия, которое могу использовать против него.

— Даже не думай, — тянется он в карман и достает пистолет. — Только если, конечно, тебе не надоело жить.

— Я вызвала копов, — произношу я надломленным голосом.

— Знаю, — он делает паузу, чтобы улыбнуться. — Они скоро здесь будут. Чем больше, тем лучше.

Больше всего меня пугает, что он совершенно не переживает о копах. Почему? Может быть, он планирует убить меня и сбежать до их приезда.

— Скажи мне, Дженна. Ты действительно любила моего брата или все же его деньги?

Его вопрос как пощечина.

— Что?

— Поэтому ты слетела с катушек, когда он отменил свадьбу?

Я сглатываю сквозь сжатое горло, которое все еще болит от того, что меня душил Уинстон.

— О чем ты?

— Немного терпения, детка. Ты скоро узнаешь.

Его слова не имеют для меня смысла. Я лишь знаю, что мне нужно убираться от него, как можно дальше. В отдалении я слышу звуки сирен и немного расслабляюсь. Но я не могу перестать быть настороже. Не могу дать ему причину убить меня до того, как спасут копы.

— Пожалуйста, отпусти меня, — шепчу я. — Я ничего никому не расскажу. Обещаю.

— Обещания такая вещь, — насмехается он, качнув пистолетом в мою сторону и посылая по моей спине мороз, — которую многие люди неспособны сдержать.

Он подходит ко мне на несколько шагов.

— С чего я должен доверять тебе, Дженна?

Его голос глубокий, темный и опасный.

— Как я могу верить, что ты не поделишься ни с кем нашим маленьким секретом?

Когда я впервые встретила с Трэвисом, то сразу же почувствовала себя рядом с ним неуютно. Я знала, что в нем есть тьма, но не думала, что он убийца.

Оказавшись всего в шаге от меня, он останавливается и вздыхает.

— Вот что будет. Я убью тебя, даже не сомневайся. Но перед этим мы немного повеселимся. Ты дашь мне попробовать то, что отдавала моему брату все то время, что он трахал тебя.

От его слов я дрожу, будто меня окатили ведром ледяной воды. Не могу позволить ему причинить мне вред. Раз копы не подспеют вовремя, я должна защитить себя сама.

— Нет.

Без колебаний я хватаю вазу с цветами, стоящую на туалетном столике, и швыряю ему в голову. Он успевает поднырнуть. Но пистолет выскользывает из его руки и скользит по полу, остановившись рядом с ванной. Я бросаюсь на пол и хватаю его дрожащими руками до того, как мужчина до него доберется.

Пистолет ощущается чужеродным объектом в моих руках, ведь я никогда прежде не держала такой в руках.

— Ты же не хочешь этого делать, Дженна. Ты не сможешь избежать последствий.

— Если ты ко мне приблизишься, я выстрелю.

Теперь, когда в моих руках пистолет, мой голос становится увереннее. Но не думаю, что у меня хватит духа в кого-то выстрелить, так что я надеюсь, что копы приедут до того, как мне придется проверять это на практике, или же до того, как он переборет меня.

Он снимает пару чистых перчаток с рук, которых я ранее не замечала, и убирает их в карман.

— Что ты сделаешь, Дженна? Убьешь меня, как Уинстона?

От моего лица отливает кровь, когда все встает на свои места. О, Боже мой. Я попала в его ловушку. Он хочет свалить вину за убийство на меня. Неудивительно, что он не боится приезда копов.

Я бросаю взгляд на пистолет, лишившись дара речи. Мое сердце грозит выпрыгнуть от страха. На глаза наворачиваются слезы. Я пытаюсь проморгаться, но они отказываются переставать течь.

— Я понимаю, почему ты это сделала, — говорит он. — Больно, когда заканчиваются отношения, особенно, если ты встречаешься с миллиардером. Ты убила моего брата в порыве ярости?

— Ты же знаешь, что это ложь, — визжу я. — Это ты его убил. Ты убил собственного брата.

Он глубоко вздыхает, его плечи поднимаются, а затем опадают.

— Знаешь, Уинстон рассказал мне. Он попросил меня приехать к тебе на квартиру, потому что не знал, что с тобой делать. Вы расстались, и ты сошла с ума.

— Ты лжец.

Мои руки так вспотели, что я боюсь, что пистолет выскользнет у меня из рук. Но я даже не знаю, стоит ли мне вообще его держать в руках. Но что, если я отпущу пистолет, и Трэвис меня застрелит? Может быть, таков его план, довести меня до грани, перехватить пистолет и нажать на курок.

Но до этого не доходит. Я уже слышу оживление за дверью, звуки голосов и тяжелые шаги. Копы здесь. Он может попытаться повесить убийство Уинстона на меня, но он в этом не преуспеет. Никто ему не поверит.

— Я все им расскажу, — мои губы дрожат с каждым словом. — Я расскажу им обо всех людях, которых ты убил, и о вашем клубе убийц.

Трэвис качает головой, протягивает руку к дверной ручке и поворачивает ее. На пороге появляются копы с поднятыми наготове пистолетами, но они направлены не на него. А на меня. Это у меня в руках оружие.

— Бросьте оружие, мэм.

Коп с такой лысой головой, что она блестит, прищуривает свои глаза-бусинки, глядя на меня.

— Слава Богу, что вы добрались сюда вовремя.

Трэвис прижимается к ближайшей стене, делая вид, что он напуган.

— Она хладнокровно убила моего брата, а теперь целится в меня. Я пытался остановить ее.

— Это не правда, — мне трудно говорить из-за слез, которые душат. — Он... он...

— Я сказал, опустите пистолет, — повторяет твердым голосом лысый офицер.

— Тело моего брата в двести четвертой квартире, ее квартире, — Трэвис проводит рукой по лбу. — Имя этой женщины Дженна Макнелли. Она была невестой моего брата, пока... пока...

— Вы в порядке, сэр? — офицер смотрит на Трэвиса.

Убийца трясет головой и закрывает лицо руками. Затем он поднимает голову с блестящими глазами, глазами лжеца.

— Пожалуйста, сходите к моему брату. Может быть, он еще не умер. Может, его еще можно спасти.

— Он лжет, — молю я офицеров.

Я хочу рассказать им все о случившемся, но чувствую, что мне не хватит времени, а мои рыдания мешают мне говорить.

— Иди, — говорит лысый офицер своему напарнику, не отрывая от меня своего взгляда и не сводя с меня пистолета.

Мое сердце бьется так сильно, что мне дурно.

— Пожалуйста, не верьте ему. Он меня подставил.

Я не знаю, как это произошло, но мой пистолет больше направлен не на Трэвиса, а на копа. Я почти не вижу его лица из-за завесы слез.

— Вы же не хотите этого делать, — говорит коп, используя те же слова, что и ранее Трэвис. — Я попрошу вас снова опустить пистолет.

Не знаю, как много времени прошло, но по ощущениям прошли лишь секунды, прежде чем другой офицер возвращается и подтверждает, что в моей квартире на самом деле есть тело.

В один миг лысый коп бросается ко мне, разоружает, а затем скручивает мне руки за спиной. После зачитывает мне мои права. Все, как в кино.

Как это может происходить? Копы пришли спасти меня, но теперь арестовывают вместо настоящего убийцы.

В тот момент, как холодные наручники щелкают вокруг моих запястий, я начинаю кричать и бороться, от чего у меня болит горло.

— Вы совершаете ошибку. Убийца он. Он убил еще трех людей, включая собственного брата.

Все мои слова, как о стенку горох, копы выводят меня из ванной. Перед тем, как они

уводят меня, я встречаюсь взглядом с Трэвисом. Он подмигивает мне.

Теперь все имеет смысл. Он изначально хотел подставить меня. Когда я бросила в него вазу, он специально уронил пистолет, отлично зная, что я его схвачу. Теперь на пистолете мои отпечатки.

— Ты ублюдок, — кричу я перед тем, как меня выводят из квартиры.

Я одета лишь в банный халат, который схватила из своего гардероба, когда ранее покидала свою квартиру.

Через несколько минут, я сижу на заднем сидении полицейской машины, в месте, в котором не думала, что окажусь. В моем уме проносятся сотни мыслей, по щекам текут слезы, пока я пытаюсь понять, почему Трэвис это делает. Почему у меня есть ощущение, что дело тут не только в желании скрыть убийство?

Чтобы не утратить рассудок, я говорю себе, что, как только мы доберемся до полицейского участка, все разрешится. Я все объясню, и они меня отпустят. Но мне придется попросить их о защите, потому что я не сомневаюсь, что Трэвис не успокоится, пока не убьет меня. Сейчас я лишь боюсь, что Трэвис на свободе и может продолжить убивать.

Я еду в полицейский участок с закрытыми глазами. Чувствую себя так, будто нахожусь на борту самолета, который вот-вот рухнет. Он в любой момент ударится о землю, но я не знаю, какими сильными будут его повреждения, мои раны.

Открываю глаза и надломленным голосом пытаюсь убедить копов, которые сидят спереди, в своей невиновности.

— Я этого не делала. Я невиновна, — произношу я голосом чуть громче шепота. — Тот мужчина убийца. Он убил трех людей.

Полицейский ничего не отвечает, и вскоре мы добираемся до участка. Очевидно, что он мне не верит. Кто-нибудь в участке поверит.

Мои руки и ноги так трясутся, что я едва могу устоять на ногах, пока они ведут меня в здание, где мимо нас проходит еще больше полицейских и преступников.

Еще до наступления утра, меня фотографируют, снимают отпечатки пальцев. Когда меня бросают в холодную, сырую тюремную камеру, одетую в тюремную форму, как у преступников, а мои руки смыкаются на холодных решетках, я понимаю, что не важно, как закончится этот кошмар, моя жизнь уже не будет прежней.

Мне сказали, что я могу нанять адвоката или воспользоваться услугами адвокатской конторы, которую предоставляет государство. Меня пугает мысль, что мои интересы будет представлять адвокат. Я невиновна и продолжаю твердить им это. Если я найму адвоката, то буду чувствовать себя так, будто признаю вину. Но есть ли у меня выбор? Только адвокат может помочь мне выбраться из этой переделки. Я соглашаюсь на государственного адвоката.

Ковыляю к узкой койке в тюремной камере и падаю на нее, все мое тело разбито и в синяках, а мой мир сошел со своей орбиты.

Как моя жизнь могла пойти так неправильно? Вот я обручена и собираюсь выйти замуж, а уже через минуту мой жених мертв, а я за решеткой за его убийство.

Не знаю, смогу ли оправиться после такого. Даже если сейчас они откроют камеру и выпустят меня, как я смогу склеить кусочки своей жизни обратно? Жива я или мертва, моя жизнь кончена.

Глава 3

Дженна

Два месяца спустя

Моя жизнь вот уже как два месяца стоит на паузе. Вот она я: надеюсь, что сегодня снова начну жить. Я сижу на деревянном стуле, сцепив руки на коленях и почти не дыша, пока жду, когда ударит молоток, и будет оглашен приговор, который изменит мою жизнь.

Судья, афроамериканка со стрижкой боб и самыми большими глазами, которые я когда-либо видела, возвращается в зал суда после обсуждения.

С безэмоциональным выражением лица она просит всех встать.

Перед тем, как она заговорит, я ощущаю на себе прикасающиеся ко мне со всех сторон взгляды, испытывающие меня все два месяца моего заключения.

Так как Уинстон Слейд был известным человеком, его убийство хорошо освещается в прессе. Я чертовски уверена, что все в США с нетерпением хотят узнать вердикт.

Я ненадолго закрываю глаза, вспоминая последние два месяца. Самые первые дни за решеткой я ждала, что что-нибудь произойдет, что власти скажут мне о совершенной ошибке.

Назначенный мне адвокат оказался некомпетентным, от него постоянно пахло перегаром, даже с раннего утра. Так как на кону стояла моя жизнь, я сказала ему, что больше не нуждаюсь в его услугах. В связи с высоким интересом к моему делу, вскоре появился другой адвокат. Его звали Престон Хорш, и он предложил представлять мои интересы бесплатно.

Так как я верила, что мое дело потенциально может помочь ему продвинуться по карьере, и что мы оба получаем выгоду от нашего сотрудничества, я приняла его предложение. Перед тем, как я приняла это решение, моя сестра проверила его и узнала, что он считается лучшим адвокатом в Нью-Йорке.

Вот мы здесь после нескольких недель расследования, слушаний и выбора присяжных.

Но даже с лучшим адвокатом на моей стороне, я до ужаса боюсь, чем все закончится.

Во время перекрестных допросов, свидетели, которых я никогда не видела в своей жизни, появлялись за трибуной, свидетельствуя против меня. Но больше всего меня потрясло, что миссис Реймонд и Трэвис оба выступали на стороне обвинения.

Миссис Реймонд заявила, что я силой ворвалась в ее квартиру с оружием, что я сказала ей, что я убила своего жениха и мне нужна помощь в избавлении от тела. Со стороны Трэвиса умно было привлечь ее на свою сторону. Моей единственной надеждой было, что жюри присяжных увидит их ложь и манипулирование правдой.

Но меня пугает, что они больше сосредоточились на том факте, что меня обнаружили, держащей в руках пистолет, из которого был убит Уинстон, и на том, что на этом пистолете была его кровь. Я понятия не имела, как кровь оказалась на моих руках. Я предполагаю, что Трэвис испачкал пистолет в крови прежде, чем я взяла его в руки. Он все это спланировал.

Пока я жду приговора, не смотрю по сторонам, только прямо.

Судья открывает рот, бросает короткий взгляд на присяжных, а затем возвращает внимание ко мне.

— Жюри присяжных решило, что вы, Дженна Макнелли, виновны в убийстве Уинстона Слейда, — она делает паузу. — За это преступление, вы проведете за решеткой срок в двадцать три года.

Я падаю обратно на стул, мой мир рушится вокруг меня.

Слышу аплодисменты и шокированные возгласы. Некоторые люди были за меня, некоторые против. Но моих врагов больше, чем друзей и членов семьи.

Судья продолжает говорить, но я не слышу, не могу поверить, что меня приговорили к жизни за решеткой за преступление, которого я не совершала. Из страха провести много лет за решеткой, я вскакиваю со стула, гнев жжет меня изнутри. Я поворачиваюсь к своему адвокату с обвинением во взгляде.

— Вы плохо старались, — кричу я.

Уголкем глаза, я вижу приближение копов, которых судья попросила увести меня, как преступников, которых я видела по телевизору.

— Ты один из них, да? — продолжаю я обвинять Престона.

— Нет, Дженна, — он хватает меня за руку. — Ты знаешь, что это неправда. Мы подадим апелляцию, — яростно шепчет он мне в ухо.

Я ему не верю. Никому не верю. Думала, что могу доверять ему. Он казался тем, кому не все равно. Но правда состоит в том, что он появился из ниоткуда и бесплатно предложил мне свои услуги.

Больше ничего не успеваю сказать ему, так как меня хватают сильные руки, а на запястьях щелкают наручники, в миллионный раз за прошедшие два месяца. Я думала, что привыкну к лязгу металла о металл, но этот звук другой. Он похож на смерть. Неотвратимую. Спасения нет.

Трэвис Слейд получил то, что хотел.

Я чувствую себя сломленной, когда меня уводят. Стараюсь не встречаться взглядом со своей семьей. Мне не хватает смелости увидеть страх и боль в их глазах.

Но не отвожу взгляда от Трэвиса и отчетливо вижу его сквозь слезы, одетого в костюм, выглядящего важным и невинным.

— Ты будешь гореть в аду, монстр, — кричу я, но мой голос подводит. Слова получаются искаженными и невнятными.

Его улыбку я никогда не забуду — вызывающая мороз, триумфальная, больная.

Перед тем, как я покидаю зал суда, слышу крик матери. Я не поворачиваюсь, чтобы посмотреть на нее. Это чертовски тяжело, а я испытываю слишком сильную боль, чтобы видеть ее собственную.

Все происходит слишком быстро. Я нахожусь в оцепенении, пока меня ведут из зала суда обратно в полицейский фургон, в окружении других преступников. В оцепенении пока меня везут в Исправительное учреждение для женщин «Уиллоу Крик», или же «Крик», как называют его охранники.

Женщина, примерно моего возраста, с темными волосами, свисающими грязными сосульками с ее головы, плачет и говорит всем, что она невиновна.

— Мы все невиновны, сука, — кричит кто-то в ответ, следом офицеры приказывают всем заткнуться.

У меня больше не осталось слез, чтобы плакать. Я чувствую онемение и пялюсь в пространство, даже не замечая людей вокруг меня, игнорирую голоса, потерявшие надежду.

Такое ощущение, что мы едем целый час, но я не уверена. За прошедшую пару месяцев время стало тянуться мучительно медленно. Если несколько минут ощущаются несколькими часами, какими тогда покажутся двадцать три года в тюрьме? Мне будет пятьдесят один, когда меня выпустят, но мой приговор ощущается пожизненным. Моя жизнь кончена.

Мы, наконец, достигаем ворот нашего нового дома, пугающего здания, окруженного кирпичными стенами, и с металлическими воротами. Я не могу дышать, хоть еще даже не вошла.

Нас выводят из фургона, как животных, и ведут через ворота. У меня подскакивает сердце, когда я слышу, как они за нами закрываются, отрезая меня от жизни, которую я знала, от моей свободы.

Повсюду охранники, наблюдают за нами, следят, чтобы мы не сбежали.

Я не смотрю на охранников, следуя за заключенной передо мной, и игнорирую наручники, натирающие мои запястья. Может ли система быть такой прогневшей, что отправила невинного человека в тюрьму? Как много людей за решеткой на самом деле невинновы? Если такое случилось со мной, то может случиться с кем угодно.

Внутри здания нам помогают устроиться, снова обыскивают, вручают тюремную форму и проводят через процесс, через который проходит каждый новый заключенный.

Когда нас, наконец, отводят в наши камеры по тускло освещенному коридору, я хочу зажать уши руками, чтобы не слышать выкрики женщин, которые зовут нас, произносят вульгарности, празднуют прибытие свежего мяса.

Воздух пахнет сыростью и пылью. Мне тяжело дышать, но я продвигаюсь вперед, решительно настроенная не показывать слабость. Это сложно. Чем больше шагов я делаю вперед, тем сильнее по мне бьет реальность.

К тому времени, как мы доходим до входа в камеру, я снова плачу. Как я выживу в тюрьме? Как я смогу прожить каждый день, не сойдя здесь с ума?

— Добро пожаловать в новый дом, — говорит мне глава тюремной охраны.

Ранее он представился нам как Стор. Наверное, это его фамилия. Он носит козлиную бородку, зачесанные назад волосы и татуировку в виде змеи сбоку на шее. Выглядит как преступник. От этого человека у меня мороз по коже. Я делаю мысленную пометку держаться от него, по возможности, подальше.

Я стою на пороге камеры, рассматриваю грязные цементные стены, заляпанную раковину, унитаз без крышки, грязный пол и единственную койку, заправленную полинялой простыней. Как и я, лампочка на потолке заключена под решетку.

— Заходи, — рычит он, подталкивая меня вперед. — Чувствуй себя как дома.

Я шагаю внутрь, и на меня нападает сожаление. Я должна была молча попрощаться со своей семьей. Меня не будет в их жизни двадцать три года. Никакого празднования Рождества, дней рождения или дня Благодарения.

Металлические двери закрываются, и офицер уходит в сопровождении нескольких тюремных охранников.

Женщины в камере напротив моей свистят и зовут меня, спрашивая мое имя.

Я не поворачиваюсь, чтобы на них посмотреть. Может быть, мне стоит быть благодарной, что у меня нет сокамерницы. Никогда не знаешь, кем она может оказаться. Что если они решат поместить в камере убийц?

Иду к койке и сажусь, сцепляю руки на коленях, заставляю себя дышать. В данный момент это единственное, что я могу делать. Но мне тяжело это дается, так что мои руки взлетают к горлу, и я вспоминаю день, когда Уинстон пытался убить меня, как мне удалось выжить. Но действительно ли я выжила? Лично мне кажется, что в ту ночь умерли мы оба.

Я сворачиваюсь калачиком на койке и закрываю глаза, по моему лицу текут слезы, впитываясь в плоскую подушку. Как много слез она впитала? Были ли это слезы невинных

или влага вины и страха? Думаю, никогда не выясню. Я знаю, что я здесь, и чувствую, будто умираю.

Глава 4

Трэвис

Я покидаю зал суда изменившимся человеком. Жизнь для меня станет чертовски хороша.

Снаружи здания, репортеры из кожи вон лезут, чтобы добраться до меня. Вспышки камер и вопросы сыпятся со всех сторон. Мне под нос суют микрофоны, пока я пытаюсь выбраться из потной толпы людей.

— Как вы себя чувствуете, мистер Слейд? — спрашивает блондинка репортер с томным взглядом. — Должно быть, вы испытываете облегчение, что убийца вашего брата оказался за решеткой.

Может быть, для меня не так уж и плохо насладиться вниманием. Теперь, когда Уинстон мертв, настала моя очередь побыть у всех на виду.

Я поправляю свой шелковый галстук от «Hermès» и останавливаюсь. Вдыхаю запах пота, духов и лака для волос.

— Я чувствую облегчение, — отвечаю я. — Приятно знать, что убийство моего брата отомщено. Я лишь жалею, что он погиб так рано. Я знал его всего лишь три года.

Несколько раз моргаю, делая вид, что борюсь со слезами.

— Простите, — говорю я, вкладывая дозу боли в голос. — Я не могу. Слишком тяжело.

Я опускаю взгляд и проталкиваюсь через толпу.

В их глазах я горюющий брат. Именно им я и хочу им казаться. Но в тайне я праздную начало своей новой жизни.

Они все еще преследуют меня, когда я сажусь в свой новый «Ролс-Ройс», купленный на деньги, которых у меня пока нет. Состояние Уинстона еще не перевели мне, но это лишь вопрос времени. Через несколько месяцев я буду очень богатым человеком.

Мне удастся отъехать, никого не переехав. Встав на светофоре, я звоню Уолтеру.

— Ты это сделал, — говорит он, впечатленный.

— Нет, — говорю я. — Мы это сделали.

Если бы не ресурсы и связи клуба «Полночь», я никогда бы не смог такое повернуть.

— Нет, Трэвис, это все твоя заслуга. Ты убрал созданный тобой беспорядок. Мне нравится, как все закончилось. Теперь нам не нужно переживать, что кто-то найдет тело. Я и не знал, что твой брат настолько известен. Поиски его продолжались бы довольно долго. Так гораздо лучше. Теперь мы можем продолжить жить как ни в чем не бывало, — Уолтер делает паузу. — Я знаю, что не говорил тебе это прежде, но я счастлив, что ты один из нас, Трэвис. Нам нужны такие люди. Но ты все еще должен мне тонну денег за свое членство.

Часть денег члены клуба «Полночь» платят за то, чтобы их задницы прикрыли, когда они совершают преступление, а Уолтер забирает остальное.

Когда до меня доходит смысл его слов, мои внутренности покрываются льдом.

— Ты их получишь. Адвокаты уже оформляют мое наследство.

— Хорошо. Это я и хотел услышать. Я рад, что ты получил выгоду от его смерти, — Уолтер прочищает горло. — А теперь я хочу, чтобы ты залег на дно. Не делай ничего, что навлечет на тебя неприятности, по крайней мере, пока. Теперь ты у всех на виду.

— Конечно.

Я запускаю пальцы в волосы, как раз тогда, когда светофор становится зеленым. Жму на газ.

— Я скоро свяжусь с тобой, Уолт.

Дженна может и за решеткой, но наша история еще не закончена. Но мои планы не включают клуб «Полночь». Лишь меня. Это личное.

Следом я звоню Розе Реймонд, пожилой леди, которая позволила Дженне прятаться в своей квартире, пока я не понял, где она.

— Вы были блистательны в зале суда, — произношу я с ухмылкой.

— Что если у меня будут проблемы из-за лжи под присягой? — ее голос дрожит.

Я знал, что рискованно привлекать ее, но кто не поверит словам хрупкой пожилой леди?

— Вам не нужно тревожиться. Все кончено, Роза, — сжимаю руки на руле. Кожа на ощупь, как масло. — Теперь вы можете позволить себе операцию по излечению катаракты. Я переведу деньги на ваш счет, как можно скорее. Вместо того чтобы тревожиться, идите и отпразднуйте. Скоро вы сможете увидеть мир новыми глазами.

— Но...

— Никаких «но», Роза, все кончено.

Я провожу ладонью по щеке.

— Как насчет того, что я переведу на ваш счет чуть больше, чем было оговорено? Вы сможете купить себе что-нибудь хорошее. Но вы должны забыть обо всем, хорошо?

— Х-м-м... хорошо, — она долго молчит. — Я постараюсь.

— Не пытайтесь. Вы должны забыть, — резко выдыхаю. — Если кто-либо узнает, что вы сделали, вас отправят в тюрьму. Вы же этого не хотите, так? Тюрьма не место для таких пожилых женщин, как вы, Роза. Я бы не хотел видеть вас за решеткой. Хочу, чтобы вы пообещали мне, что забудете обо всем.

Работает. Она дает мне обещание, и я вешаю трубку, испытывая облегчение.

С ревушей из динамиков музыкой, я еду на одно из самых красивых кладбищ в Нью-Йорке. Я паркуюсь рядом с входом и, выходя из машины, хватаю букет цветов с пассажирского сидения. Солнце греет мою кожу, делая мое настроение еще лучше. Каждый шаг к месту, где похоронен Уинстон, еще сильнее повышает мне настроение.

Я останавливаюсь перед его могилой и рассматриваю цветы, украшающие его место. Я борюсь с желанием вырвать, когда мне в нос ударяет запах гниющих цветов и земли. Я бросаю свои цветы поверх других, а затем опускаюсь к земле.

— У меня хорошие новости, братец. Твоя миленькая золотоискательница за решеткой, там, где ей и место, — провожу рукой по губам. — Это твоя вина. Ты позволил ей встать между нами. Ты ценил ее больше, чем свою плоть и кровь. Я нашел твое завещание, в котором ты отдавал ей половину своего состояния после вашей свадьбы. Как ты мог так поступить со мной, брат? А теперь смотри, куда тебя привела щелка, — я усмехаюсь. — Но я прощаю тебя. Твоя смерть все возвращает к норме. Я собираюсь вернуть жизнь, которую ты украл у меня. И поверь мне, я верну ее до последнего кусочка, — ухмыляюсь. — Дженна всего лишь вишенка на торте. Обещаю, что сначала позабавлюсь с ней, а только потом отправлю к тебе.

Я выпрямляюсь и потягиваюсь, пока у меня не хрустит спина. Никогда не чувствовал себя таким живым до этого момента. Со смертью Уинстона, я возродился.

Наконец, отхожу от могилы и ухожу. Вернувшись в машину, я сижу там какое-то время,

наслаждаясь тишиной. Глядя на надгробные камни, я представляю себе страх, который испытали мертвецы перед уходом из этого мира. Ощущаю этот страх, и он делает меня сильнее.

Против воли, в моем мозгу всплывает изображение меня, напуганного ребенка в детском доме «Моллоуроуз». Я помню веревки, прикосновения злого хлыста к моей спине. Все словно было вчера. Может, у меня нет шрамов от огня на лице, как у Лица со шрамом, но жестокость, которую я перенес от рук людей, которые должны были заботиться о нас, такая же велика, если не хуже.

Я открываю глаза и засовываю прошлое в дальний уголок сознания, я больше не тот напуганный маленький мальчик. Я наверху. Я владею миром. Что бы я ни захотел, оно будет моим.

Звенит мой телефон, и я со стоном беру трубку.

— Что такое, Роза? Я думал, мы согласились, что вы не будете звонить мне. Это я вам звоню.

— Мне нужно больше, — говорит пожилая леди, ее голос слаб, но решителен.

— Вы шутите?

Что, бл*ть, она там себе надумала? Я не причиняю вреда маленьким пожилым леди, но она всерьез начинает меня бесить.

— Я посылаю вам много денег.

— Их недостаточно за тот секрет, что я должна хранить, — она тяжело дышит в трубку.
— Мне нужно оплатить долги.

— Вы меня шантажируете, Роза? Вы уверены, что это хорошая идея?

— Так это теперь называется? — она тихо усмехается, царапая мои нервы. — Только что я прочитала, сколько вы унаследуете после смерти своего брата и...

— Сколько вы хотите?

Не думаю, что сейчас у меня есть выбор. Мне нужно заткнуть ее. Надеюсь, что она не заставит меня сделать то, о чем я пожалею.

— Двадцать тысяч хватит.

— Я дам вам двадцать пять тысяч, но как только состояние брата перейдет ко мне.

— Ужасно щедро с вашей стороны, мистер Слейд.

Женщина снова похожа на пожилую леди, а не на шантажистку.

— В свою очередь, хочу, чтобы вы кое-что сделали для меня, — говорю я, сжав челюсть.

— Но я уже сделала.

— Я даю вам больше денег, чем мы договаривались. Так что, вы сделаете так, как я скажу. Вы возьмете деньги и покинете город. Начните новую жизнь в каком-нибудь спокойном местечке.

— Я сделаю это за тридцать тысяч.

Я должен был знать, что она станет проблемой.

— Отлично. Я позвоню вам, как только деньги будут у меня.

Вешаю трубку и прижимаю кулак ко лбу. Дерьмо. Что, бл*ть, мне теперь делать?

Глава 5

Дженна

Во второй день в тюрьме меня перевели в новую камеру, воняющую высохшей рвотой, потом, мочой и другими вещами, о которых я даже не хочу думать. Единственное хорошее в

этой камере — тут сплошная металлическая дверь, а не прутья решетки.

Как только я вхожу, мои новые сокамерницы представляются мне, называя не только свои имена, но и за что их посадили.

Арлин, роскошная блондинка, убила свою старую мать, потому что та отказывалась давать ей деньги на наркотики. Джуди сидит за отмывку денег. Другую сокамерницу, Латишу, упекли за ограбление банка и убийство офицера полиции при попытке побега.

У меня сжимается желудок, когда я понимаю, что я единственная невинная среди виновных. Мне не нужно рассказывать им, почему я в тюрьме, потому что они уже знают. Как только охранники уходят, Латиша показывает мне статью в газете с моей фотографией.

Убийцу Уинстона Слейда признали виновной...

— Ты знаменита, — говорит она, улыбаясь мне беззубым ртом.

Слова в статье режут меня, как ножи. Теперь все думают, что я убийца. Не могу заставить себя дочитать статью, так что качаю головой, когда Латиша пытается сунуть газету мне в руки. Чтобы убить меня изнутри хватило беглого взгляда на заголовок.

— Я невиновна, — удается произнести мне сквозь сжатое горло, но моих сокамерниц это не интересует, они собираются вокруг Латиши, чтобы увидеть статью.

— Устраивайся, как дома, мисс Милашка, — Джуди мне подмигивает. У меня сжимаются внутренности от того, как она на меня смотрит.

Как только переполох утихает, мои новые сокамерницы хватают мои туалетные принадлежности и пользуются ими. Я не дерусь с ними, надеюсь, что, если отдам им то, что они хотят, то преступницы оставят меня в покое.

Так как все койки заняты, мне приходится спать на матрасе на полу, в окружении тараканов, копошение которых я слышу в темноте.

Мои сокамерницы засыпают, двое из них громко храпят. Я догадываюсь, что им легко уснуть, потому что они знают, что находятся в тюрьме за преступления, которые они действительно совершили, и лишь я не могу смириться со своим приговором.

В темноте, пытаюсь успокоиться, думать ясно.

Еще не все кончено. Я все еще могу подать на апелляцию. Но сколько времени это займет? Хватит ли мне сил пройти через еще один суд? Что если ничего не изменится, и я снова окажусь здесь? Я больше никогда в жизни не хочу испытать ту боль, когда судья зачитала мой приговор.

Может быть, мне стоит быть благодарной, что я оказалась за решеткой, подальше от Трэвиса Слейда. За пределами тюрьмы, он станет на меня охотиться. Не моргнет и глазом, чтобы убить меня. Но лучше ли смерти жизнь в тюрьме? Мне сложно решить.

Я пыталась сегодня позвонить Престону, но не смогла ему дозвониться. Он не перезвонил и не приехал. Не удивлена после того, в чем я обвинила его в зале суда. Я была не в себе. В тот момент, как у меня украли мою жизнь, я не знала, кому доверять. Я была зла, испытывала боль и чувствовала предательство.

Мне удастся погрузиться в беспокойный сон. По ощущениям я проспала десять минут. Но уже шесть утра, и начинается подъем.

Мои сокамерницы просыпаются, выглядя свежими, в то время как мои глаза опухли и болят, как и все тело.

Глава тюремной охраны, которого все зовут Козлиной бородкой, а не по фамилии, пересчитывает заключенных. Когда он подходит к нашей камере и открывает дверь, его глаза блуждают по комнате, а затем останавливаются на мне. Мне хочется заерзать под его

пристальным взглядом. Хочу отвернуться, но в то же время, чувствую, что если так поступлю, то признаю себя виновной или что-то вроде того. Наконец, он разрывает зрительный контакт, и я тихо вздыхаю с облегчением.

— Мои поздравления. Похоже, что ты его новая любимица, — говорит Джуди, когда Козлиная бородака запирает дверь и уходит, его ботинки стучат по бетонному полу.

Я бросаю на нее вопросительный взгляд.

— О чем ты?

— Чтобы сделать свое пребывание здесь более радужным, Козлиная бородака выбирает одну из новых заключенных. Обычно, он выбирает ту, что больше всего напугана... как ты.

Я чувствую, как от страха у меня сжимается кожа. Надеюсь, что он не увидел страха в моих глазах, когда наши взгляды пересеклись.

Вместо ответа, я решаю прибраться: расправляю простынь на матрасе, заправляю концы. Моя рука задевает грязный пол, и я заставляю себя не думать обо всех микробах, попавших на мою кожу.

В семь утра нам в камеру приносят завтрак. Каждая из нас получает небольшую миску овсяной каши и стакан молока.

Каша ощущается слизью на языке, но я заставляю себя проглотить ее, потому что мне нужны силы. Еще я слышала, что, если ты отказываешься кушать в «Крик», то пару дней тебя будут морить голодом.

После завтрака, женщина-охранник по имени Филлис приходит сообщить мне, что мне звонят. Когда она выпускает меня, я надеюсь, что звонит Престон. И это, действительно, он.

— Моя секретарь сказала мне, что вчера ты звонила, — говорит он.

Его голос не выдает никакой информации. Очевидно, что он все еще зол на меня.

Я киваю, забыв, что он меня не видит.

— Я хотела извиниться за те вещи, что сказала тебе в зале суда.

Прошлой ночью, я пришла к заключению, что я не могу позволить себе потерять его. Если я хочу подать апелляцию, мне понадобится адвокат, а у меня нет денег, чтобы позволить себе хорошего адвоката. Престон предоставляет мне свои услуги бесплатно.

— Но почему ты станешь доверять мне? Ты обвинила меня в том, что я злодей.

— Я была зла и разочарована. Уверена, что ты понимаешь, — ненадолго закрываю глаза и сжимаю телефон в руке. — Я знаю, что ты усердно трудился над моим делом. Хотя я не получила желаемого, благодарна за все, что ты сделал для меня. Надеюсь, что ты pomoжешь мне выбраться из этого места. Я невиновна, Престон.

Когда мы впервые познакомились, он настоял, чтобы я называла его по фамилии.

Тишина, которая далее повисает, такая густая, что я могу практически ощущать ее кожей. Его голос становится тише и глубже.

— Я думал, что могу для тебя сделать, но правда в том, Дженна, что доказательства против тебя слишком сильные.

— О чем ты? — спрашиваю я надломленным шепотом. — Я не могу... Ты же не ждешь, что я просто сдамся. Я невиновна. Я этого не делала. Ты должен поверить мне.

Кто-то должен поверить мне.

Он не отвечает.

— Прости, — говорит он. — Хотел бы я еще что-то для тебя сделать.

— По крайней мере, попытайся еще раз. Последний раз, — слезы текут у меня из глаз. — Я не убивала своего жениха. Меня подставили.

— Знаешь что? — он вздыхает. — Дай мне все обмозговать. Я позвоню тебе через пару дней.

— Спасибо.

Думаю, что это все, о чем я могу просить его. Он ничего мне не должен.

Я вешаю трубку, новый прилив решительности дает мне силы надеяться. Я должна что-то сделать. Ни за что не позволю Трэвису победить. Дело не только в том, что моя жизнь в опасности. Трэвис не может продолжать убивать женщин ради забавы. Я должна верить, что смогу выбраться отсюда, дабы он понес наказание за свои преступления.

Вернувшись в камеру, я сворачиваюсь на матрасе и засовываю руку под подушку. Затем сажусь. Что-то коснулось моих пальцев, клочок бумаги, засунутый под подушку. На нем написано четыре слова, слова, которые меняют все.

«Тут тебе и место».

Я оглядываюсь в пустой камере. Мои сокамерницы ушли на работу. Мне сказали, что я начну приступлю завтра.

Хотела бы я, чтобы они были здесь, чтобы я могла спросить их, кто положил этот клочок бумаги мне под подушку.

Когда мои пальцы смыкаются на записке, я начинаю ощущать тяжесть в желудке, горькая желчь подкатывает к моему горлу.

Записка может быть от кого угодно, но все во мне подсказывает, что записка от моего личного ночного кошмара. Она от Трэвиса. Я не могу это доказать, но ощущаю это каждой клеткой.

Я в тюрьме, но все еще далеко не кончено. Трэвис не удовлетворен, что меня просто закрыли. Он решительно настроен полностью меня раздавить. Но я не понимаю. Если он засунул меня в тюрьму, чего он еще от меня хочет? Ублюдок уже настроил всех против меня и выставил лгуньей и убийцей. Наверное, только время покажет, что он для меня приготовил.

С дикими глазами, я встаю с матраса и меряю шагами небольшое пространство, обнимаю свое дрожащее тело руками. Затем слышу стук ботинок за дверью и возвращаю самообладание. Я не могу показывать здесь страх. Я должна быть сильной.

У меня сжимается сердце при звуке отпираемой тюремной камеры. Я сглатываю желчь и опускаюсь обратно на матрас, чтобы спрятать записку.

Козлиная бородка открывает дверь. Как и вчера, он смотрит на меня, его глаза-бусинки сверлят меня, словно он видит мои мысли.

Я задерживаю дыхание и жду, когда он скажет что-нибудь, что-нибудь сделает. Вместо этого, на его лице расплывается усмешка, открывает далеко не белые зубы.

Он снова запирает дверь, не сказав и слова. Но ему и не надо говорить. Он нагнал на меня такого страха, что я сгибаюсь пополам и набрасываюсь на двух тараканов, которые пытаются заползти на меня.

Как мне пережить хоть еще один день в тюрьме?

Может быть, я совершила ошибку, попросив Престона снова стать моим адвокатом. Я снова никому не доверяю. Но я могу доверять себе. Я знаю правду. Мне каким-то образом нужно найти доказательства, разобраться во всем самой прежде, чем я обращусь за юридической помощью.

Когда мое сердце успокаивается, я принимаю решение, что снова позвоню Престону и скажу ему, что больше не нуждаюсь в его помощи. В данный момент я не могу рисковать.

Как только я, как могла, оттерла свою рвоту, достаю один из двух своих блокнотов и ручку. Слово за словом, я записываю события дня, когда умер Уинстон, во всех деталях. Каждое действие, каждый звук, каждое ощущение. Даже цвет ванной комнаты миссис Реймонд, когда копы пришли арестовать меня. Не знаю, смогу ли когда-либо доказать свою невиновность, но я не собираюсь сдаваться без боя.

Глава 6

Я смотрю на завтрак, но не могу заставить себя съесть его. Все, что я ем, все равно не имеет вкуса, словно мой язык онемел от шока из-за того, что со мной произошло.

Мои сокамерницы сидят на своих койках и работают ложками, но я продолжаю в оцепенении стоять с тарелкой в руках посреди камеры. Мое тело здесь, а разум далеко.

Я поднимаю с тарелки кусочек тоста, и по моей спине вдруг пробегают холодок.

Мой желудок наполняется страхом, пальцы слабеют, и тарелка летит на пол.

— Не смей разбазаривать здесь еду, — говорит Арлин.

Она вскакивает со своей койки, чтобы поднять с грязного пола тост и будто не замечает записку, которая лежит от него всего в паре сантиметров. Латиша же подходит за вареным яйцом. Они могут забирать все. Мне все равно. Мой разум слишком занят, чтобы думать о еде.

Я опускаюсь на свой матрас и дрожащими пальцами тянусь за запиской. *Еще одной запиской.* Сворачиваюсь в клубок и отворачиваюсь от других, чтобы они не задавали вопросов, затем открываю ее и читаю. С каждым словом холодные пальцы ужаса сжимаются на моем горле.

«Я надеюсь, что ты чувствуешь себя как дома. Скоро увидимся. ХОХО»

Теперь очевидно, что Трэвис мучает меня. Мне не нужно видеть его, чтобы знать, что он здесь, где-то в этой тюрьме, наблюдает за мной, дразнит. Он еще со мной не закончил.

Или, может, ублюдок вообще не здесь, но кто-то делает всю грязную работу за него. Но кто? Я сжимаю записку в пальцах, сминая ее. Попытки понять, кто на него работает, сводят меня с ума.

Пока у меня разрывается сердце, мои сокамерницы продолжают вести себя так, будто все совершенно нормально. Джуди делает приседания, а Латиша с Арлин говорят о новом сексуальном охраннике, которого они вчера видели.

Я засовываю записку под подушку и зажимаю уши руками, чтобы ничего не слышать. Их болтовня мешает мне думать, что и без того тяжело дается, когда меня душит облако страха. Я понимаю, насколько незащитна, и на мои глаза наворачиваются слезы. В последнее время много плачу, но стараюсь этого не показывать.

За нашими тарелками приходит сам Козлиная бородка.

— Чья это тарелка? — рывкает он, показывая на месиво на полу с остатками еды.

Его взгляд блуждает от одной заключенной к другой, пока он, наконец, не догадывается: я единственная без тарелки.

— Тратишь еду, даже крошку, и будешь наказана, — говорит он, испепеляя меня взглядом.

Резкий вдох одной из заключенных подсказывает мне, что он не приготовил для меня ничего хорошего.

— Надзиратель будет уведомлена.

— Подними свою чертову тарелку, — произносит он сквозь сжатые зубы.

Я опускаюсь, чтобы сделать, как мне велено, пока другие отдадут свои тарелки, и

Козлиная бородака уходит. Странно, что он пришел собрать наши тарелки, когда эту работу обычно выполняют заключенные или тот, кто дежурит на кухне.

Следующая пара часов тянется, как размытое пятно, я все еще пытаюсь понять, что произошло за завтраком. Когда подходит время посещений, я чувствую себя так, будто сойду с ума, а мой желудок просит еды. Мой голод — наказание за ее растрату.

Нам разрешают посетителей только раз в две недели, и я с нетерпением жду встречи с родителями, так как не видела их с самого суда. В то же время, я беспокоюсь, что увижу на их лицах боль и не смогу дать им надежду.

Приходит только моя мать. Я не спрашиваю ее, почему не пришел папа, потому что, вероятно, он все еще не может справиться с шоком, что его дочь отправили в тюрьму за убийство. Слезы, что я выплакала, уже высохли на моем лице, но по тому, как расширяются глаза моей матери, когда она видит меня, я понимаю, что выгляжу не лучшим образом.

Когда я опускаюсь за один из многочисленных столов в комнате для посещений, а она убирает руки на колени, но я уже заметила, что они дрожат. Ей тяжело — нам обоим тяжело.

Я планировала рассказать ей, что происходит со мной за решеткой, о подозрениях, что я нахожусь в опасности, но не хочу взваливать на нее еще больше переживаний.

— Я не делала этого, мама, — шепчу я.

Не знаю, слышит ли она меня сквозь шум от других заключенных, разговаривающих со своими семьями, некоторые из них плачут, а некоторые смеются.

Она опускает взгляд и не отвечает, хоть ее губы шевелятся. Только когда единственная слеза скатывается вниз по ее щеке, она заставляет себя посмотреть мне в глаза.

— Прости, детка. Это моя вина.

— Что? — я проглатываю слезы. Я должна быть сильной за нас обеих.

— Я поощряла тебя выйти замуж за Уинстона Слейда, потому что он богат и казался таким приятным парнем. Думала, что ты любила его. Теперь чувствую себя ужасно.

Во время суда, Престон поделился с судом моей версией событий, что я пыталась уйти от Уинстона, что он разозлился, слетел с катушек и пытался задушить меня. Моя сестра за трибуной подтвердила, что я звонила ей, чтобы рассказать, что мои отношения с Уинстоном закончены.

— Не надо, — я трясусь головой. — Не вини себя за это.

Я делаю паузу и пытаюсь морально подготовиться перед тем, как задать ей единственный интересующий меня вопрос.

— Скажи мне, что ты не веришь, что я это сделала.

— Даже если сделала, я все равно тебя люблю. Я знаю, что, должно быть, это была самооборона. Ты не жестокий ребенок. Ты была такой милой маленькой девочкой.

Ее слова причиняют мне боль, и мое сердце сжимается от разочарования. Я вспоминаю, как Уинстон пытался задушить меня. Если бы тогда у меня был пистолет, я бы его использовала? Убила бы его, чтобы спастись самой? Меня ужасает мысль, что может быть и убила бы. Но тогда это была бы самооборона, а не убийство.

На мгновение я закрываю глаза. Когда я открываю их снова, из них текут слезы, согревая мои щеки.

— Ты думаешь, что я это сделала, — это даже не вопрос. Правда написана на ее лице.

Мать опускает взгляд на стол. Я отклоняюсь на стуле.

— Поэтому отец не пришел? Он думает, что я виновна?

Она все еще не отвечает.

Если даже моя собственная семья мне не верит, тогда кто поверит?

— Я твоя дочь, и ты не веришь в мою невиновность?

Мой голос превращается в хрип, а слова заглушают слезы.

Разочарование вынуждает меня вскочить с места. Я не осознаю, что делаю, когда отшатываюсь от стола, слезы ослепляют меня так, что я не вижу, куда иду.

Моя мать зовет меня, но я не поворачиваюсь. Меня убивает осознание, что мои родители думают, что я убийца. Молюсь, чтобы моя сестра не верила в это тоже. Я должна верить, что Хизер на моей стороне.

Так как я не до конца воспользовалась своим временем посещения, мне разрешают погулять в тюремном дворике, но я не в настроении. Я лучше посижу одна в камере.

Не знаю, сколько уже сижу на своем матрасе, пялясь в пространство, но в какой-то момент, мне надоедает жалеть себя. Мне нужно быть здесь и сейчас. Если я сдамся — Трэвис победит. Я не могу позволить этому случиться.

Пытаясь заставить себя думать о чем-то другом, я беру в руки роман, который Хизер подарила мне за два дня до суда. Но его чтение лишь напоминает мне о темной стороне любви. Я не знаю, смогу ли когда-нибудь полюбить снова. Уинстон разрушил мою веру в светлое чувство и не только в него.

Вечером нас отводят в общую комнату, где нам разрешают посмотреть телевизор, но на экране лишь канал, посвященный еде. Это попытка смотреть, как готовят еду, и не иметь возможности ее съесть.

— Уже чувствуешь себя как дома?

Заклученная, которую я не замечала прежде, женщина с косичками и монобровью, ухмыляется мне, подойдя слишком близко. Я отодвигаюсь от нее, но до меня вдруг доходит смысл ее слов, похожий на слова в записке. Я таращусь на нее.

Что если Трэвис не имеет никакого отношения к записке, которую я получила? Что если записка была от другой заключенной, может быть, той, что дежурила на кухне? Не может ли быть совпадением, что женщина с монобровью задает мне тот же вопрос в тот же день, когда я получила записку. Вдруг, Трэвис вообще меня не преследует. Я не знаю испытывать ли мне облегчение или ужас от этого открытия. Должна ли я бояться монстров здесь или тех, что снаружи и более опасны?

Или я просто параноик.

Не говоря ни слова, я встаю со стула и занимаю свободное место рядом с Арлин, которая даже не замечает меня, так как ее глаза прикованы к экрану, а рот открыт, так как она, вероятно, представляет, как ест еду, которую показывают по телевизору.

Когда день подходит к концу, и свет, наконец, выключают, я молюсь, что проснусь утром и пойму, что все это просто кошмар.

Глава 7

Трэвис

Ощущение, которое я испытываю, когда обхватываю руками хрупкую шею женщины, ни с чем не сравнить. Прилив адреналина от того, что ты держишь в руках чью-то жизнь, опьяняет. Это лучше, чем секс, алкоголь — лучше всего. Но еще это опасно, хоть и риск того стоит.

Я глубже погружаюсь в киску одной из девочек Уолтера из «Черного зеркала», единственного места, где мне разрешено воплощать в жизнь свои темные фантазии, по

крайней мере, пока все, что связано с Уинстоном, не утрясется. В этом месте, я волен быть собой, наслаждаться тьмой внутри себя.

Ее зовут Роуз, и ее киска ощущается вокруг моего члена раем. С каждым толчком, я все сильнее сжимаю ее горло. Опасность ее заводит, как и всех девушек, которые здесь работают.

Я перемещаю руки с ее шеи на нос и рот.

Она ненадолго закрывает глаза, но не сопротивляется — какое-то время нет. Когда она, наконец, начинает давать отпор, отчаянно пытаюсь глотнуть воздуха, я возвращаю руку на ее шею и тараню ее сильнее.

Рычу с каждым толчком, а затем кончаю с такой силой, что оба наши тела сотрясаются спазмами от мощи моего взрыва. Я все еще сжимаю ее шею, но в этот раз с осторожностью. По опыту выучил, что терять самоконтроль во время оргазма — когда твои руки на чьем-то горле — самый верный способ убить. Убивать девочек Уолтера против правил.

Закончив, я выхожу из нее и щедро плачу ей за страдания. Покидая «Черное зеркало», я ощущаю себя на вершине мира, более сильным, дерзким, контролирующим свою жизнь. Все работает на меня.

Сейчас всего одиннадцатый час ночи, поэтому я не еду домой. Вместо этого я направляюсь в бар на краю города на важную встречу.

Род Стор, начальник тюремной охраны в «Крик», уже ждет меня за столиком, расположенном на расстоянии от других. На нем бейсбольная кепка и пальто в стиле Коломбо, но его козлиная бородка выдает его с головой.

Я заставил его прождать полчаса, но он не имеет права жаловаться. Мужик нуждается во мне так же сильно, как и я в нем.

— Как там дела? — спрашиваю я после того, как передо мной ставят мой виски.

Он делает глоток пива.

— Думаю, что довольно хорошо. Я сделал все, о чем ты меня просил.

— Как она отреагировала на записки?

Он усмехается и поглаживает свою бородку.

— Думаю, что ты заставил ее дрожать от страха. Этого ты и хотел?

Я киваю.

— Именно этого я и хотел. Пора переходить к следующему этапу.

— Сначала я хочу свои деньги.

Стор кладет руки на стол.

Я ставлю свой виски и тянусь во внутренний карман куртки. Кладу несколько банкнот на стол и толкаю их по направлению к нему.

— Получишь остальное, когда все будет кончено.

Я не беспокоюсь, что должен все больше и больше денег людям. Скоро у меня будет много денег.

— Ты уверен, что хочешь пойти до конца?

Его глаза сужаются до щелок.

Я наклоняюсь вперед.

— Ты кое-чего обо мне не знаешь, — я делаю паузу. — Решив, что-то сделать, я не останавливаюсь.

Дженна может думать, что она в безопасности за решеткой, но и понятия не имеет, что ее ждет. Я хочу не только ее киску, но и жизнь. И, кроме того, я не верю, что она такая

девушка, которая так легко отдаст свою свободу. Скорее всего, она уже думает, как доказать свою невиновность. Сначала я поиграю с ней, а после ее нужно будет устранить. Но чем бы я ни занимался, Уолтеру не нужно об этом знать.

Стор кивает и допивает пиво. Я заказываю нам еще напитки. Минуты текут, а мы выглядим просто как два обычных парня, собравшихся выпить. Допив, мы встаем и уходим.

Глава 8

Дженна

Никогда не думала, что придет день, когда я буду желать тюремной пищи. Если быть честной, она не так уж плоха, если перестать многого ожидать.

Еще до того, как подают ланч, я ощущаю в воздухе аромат мяса. Может быть, из-за переживаний есть хочется сильнее. Когда я не думаю, как выбраться из тюрьмы, все мысли витают вокруг еды.

Бог знает, что мне нужны силы, чтобы переживать каждый день в этом месте. Жизнь за решеткой становится все тяжелее с каждым часом.

Сокамерницы давно считают это место домом. По правде говоря, я слышала, как некоторые из них говорили, что предпочитают быть в тюрьме, чем на свободе.

Пока я смотрю на дверь, считая минуты до прибытия еды, Латиша сидит на толчке и листает модный журнал. Арлин заплетает волосы в две косы, а Джуди занимается тем, что пялится на меня так пристально, что мне не по себе.

— Что-то не так? — спрашиваю я.

Джуди меньше всех со мной разговаривает, а в последнее время она холодна со мной по причинам, которых я не понимаю. У меня складывается ощущение, что я ей не нравлюсь. Кому какое до меня дело? Я в тюрьме не для того, чтобы заводить друзей. Надеюсь, что я здесь лишь на время.

Головы других женщин резко поворачиваются в нашу сторону. Вероятно, они ждут, что что-то произойдет. За свое недолгое время за решеткой, я поняла, что в тюрьме нет ничего интереснее драки.

Чем дальше Джуди молча смотрит на меня, тем сложнее мне становится дышать. Зачем я вообще ей что-то сказала? Не то чтобы она угрожала мне. Просто я ненавижу не знать, что думают другие.

Вместо того чтобы ответить на мой вопрос, она подмигивает, а затем отворачивается. Почему, черт возьми, она мне сейчас подмигнула? От дискомфорта у меня переворачивается все внутри.

Я с облегчением выдыхаю почти весь воздух из легких, когда дверь в нашу камеру отпирают, и Козлиная бородка и еще двое заключенных, наконец, приносят нам еду. Латиша упоминала, что необычно, чтобы Козлиная бородка сам приносил заключенным еду.

Хоть мой желудок урчит от голода, я позволяю сначала другим забрать свою еду. Встать между заключенным и его едой — ошибка, которую я не хочу повторить. Уже скоро я получу свою еду.

Нам принесли картофельное пюре с подливой, несколько кусочков курицы и черную фасоль.

Мой рот увлажняется, и я начинаю идти обратно к матрасу, перешагивая через тараканов, но, чтобы добраться туда, мне придется пройти мимо двухъярусных коек. Джуди, занимающая нижнюю койку, выбрасывает вперед ногу. Ее нога попадает мне в голень, и я,

хныкнув, лечу вперед.

Лицом я приземляюсь на матрас, но моя тарелка приземляется на пол. Ланч, которого я так сильно ждала, разлетается во всех направлениях. Мои предыдущие подозрения были верными. Подмигивание было предупреждением.

Я с силой сжимаю зубы, когда до моих ушей доносится смех.

Когда я смотрю на свою еду, мои глаза застилает красная пелена. Тараканы и другие насекомые уже начали праздновать на еде. Чем дольше я смотрю, тем сильнее в моей груди нарастает гнев.

Не осознавая, что делаю, не имея возможности остановиться, я вскакиваю на ноги и бросаюсь на Джуди. Бью ее кулаком по голове, тяну за волосы, но они слишком короткие, чтобы за них хорошо ухватиться.

— Не трогай меня, сука, — рывкает она и отталкивает меня так сильно, что я приземляюсь на задницу.

Пока другие улюлюкают, я снова бросаюсь на нее. В этот раз, мои ногти царапают ее по щеке, и она вскрикивает от боли. Я понимаю, что зашла слишком далеко только тогда, когда пара сильных рук хватается меня сзади и оттаскивает от Джуди.

— Слезь с нее, — рычит Козлиная бородка мне в ухо, опалает мочку своим горячим дыханием с запахом перегара. — Ты пойдешь со мной.

Я пытаюсь сбросить его с себя, но он намного сильнее. Пока Джуди прижимает руку к своей пораненной щеке, меня выволакивают из камеры. Я кричу и требую от Козлиной бородки, чтобы он меня отпустил, говорю ему, что Джуди все это начала. Мои слова как о стенку горох.

Так сильно трясусь от ярости и страха, что запинаясь и падаю в коридоре. Не хочу думать, что меня ждет.

— Куда вы меня ведете? — спрашиваю я, когда его руки усиливают хватку на моем предплечье.

— Пора тебе привыкать к яме, — его разрывает смех, когда он произносит эти слова. — Сегодня ты нарушила два правила. Разбазарила еду и затеяла драку.

Я изворачиваюсь, пытаюсь заглянуть ему в лицо.

— Это не моя вина, — я жадно ловлю воздух. — Джуди сбила меня с ног.

Мои внутренности сжимаются от тревоги. Я слышала о яме. Это карцер, тюрьма внутри тюрьмы. Теперь я увижу ее лично. Еще я слышала, что заключенных запирают там минимум на сутки. По тому, как я себя чувствую, думаю, что не протяну там и полчаса.

— Пожалуйста, — продолжаю умолять я. — Вы были там. Вы видели, что произошло.

— Я ничего не видел. А теперь заткнись.

Он ведет меня на лестницу, рыча от недовольства, потому что я сопротивляюсь на каждом шаге. Но вскоре мы достигаем низа лестницы.

За пределами лестницы, я решаю не сопротивляться. Последнее, что мне надо — чтобы он продлил мне срок в карцере, чтобы показать, кто тут босс.

Мы подходим к стальной двери, которую он открывает, не отпуская меня ни на секунду, распаивает ее, затем хватается меня за затылок и заталкивает внутрь. Тут темно, пахнет сырой землей и плесенью.

Кроме единственной койки у грязной стены, тут больше ничего нет. Догадываюсь, что это единственное, что здесь хорошего. Я посплю на койке.

Но, когда дверь захлопывается, и ключ поворачивается в замке, меня охватывает паника.

В отчаянии, я бросаюсь на закрытую дверь, с силой и до боли ударяю ладонями по холодному металлу. В моих легких не остается воздуха.

— Выпустите меня отсюда, — кричу я изо всех сил. — Я ничего не сделала.

Дверь остается запертой.

Тишина в крошечной комнате такая оглушающая, что я начинаю слышать звон в ушах. Отсюда я не слышу совсем ничего.

Мои руки взлетают к моему горлу, я отчаянно ловлю ртом воздух. Никогда не думала, что страдаю клаустрофобией, но именно так я себя здесь и ощущаю.

Через, по ощущениям, десять минут, свет выключают. Хоть комната изначально была темной, теперь она заполнилась такой непроглядной темнотой, что я почти ощущаю ее кожей. Она оборачивается одеялом вокруг моего тела и затекает мне в ноздри.

Я хочу продолжать кричать, но, может, это не такая уж хорошая идея. Если мне предстоит провести здесь много часов, может, лучше поберечь силы. Так как я не слышу ничего за пределами ямы, чертовски уверена, что и мои крики никто не услышит.

Смаргиваю слезы, бредя по темноте к своей койке. Сажусь на нее. Мое сердце и разум бьются в одном ритме.

Я поднимаю голову лишь тогда, когда слышу скрежещущий звук, который издают насекомые на полу. Я подтягиваю ноги вверх и обнимаю их руками, раскачиваюсь назад и вперед.

У меня радостно подскакивает сердце, когда дверь, наконец, открывается. Поначалу, я думаю, может, Козлиная бородка передумал и решил отменить мое наказание за то, что не было моей виной, но дверь остается открытой недолго. Охранник с усами шагает внутрь, затем дверь запирается снаружи.

Я больше не вижу его лица, но слышу его дыхание. И ощущаю запах его одеколona. Волоски на моих руках поднимаются, когда я узнаю этот запах.

Сердце грохочет в моих ушах, и я отползаю как можно дальше к стене. Что если Козлиная бородка прислал охранника, чтобы тот пришел и наказал меня физически?

Вдруг, тьму прогоняет вспышка света. Под подбородком он держит фонарик, как делают дети, когда пытаются напугать кого-то на Хэллоуин. Когда он ухмыляется, внутри у меня все сжимается.

Это он, одетый в форму тюремного охранника, с усами, но я всегда узнаю его глаза.

— Трэвис.

Я с усилием сглатываю и сжимаю руки вокруг ног, трясусь всем телом.

— Прости, что опоздал на наше свидание, — говорит он, опуская фонарик. — Уверен, ты понимаешь, что жизнь за пределами этих стен бьет ключом.

На его лице расплывается садистская улыбка, но он не подходит ко мне.

В моей голове проносятся сотни лихорадочных мыслей, я пытаюсь понять, как он проник в тюрьму, с кем он работает. Но, важнее всего, что он планирует со мной сделать?

— Я не понимаю, почему ты выглядишь такой удивленной, солнышко, — он наклоняет голову. — Я прислал тебе записку, чтобы дать тебе знать, что скоро мы увидимся. Ты же ее получила, так?

У меня пересыхает во рту, когда я вспоминаю записку, которую я нашла под своим тостом. Она на самом деле была от него.

Когда он делает шаг вперед, я вскакиваю с койки и пытаюсь, отбежать от него как можно дальше, моя спина касается стены.

— Держись от меня подальше, ублюдок.

Я никогда не ругалась матом, но, когда ты заперта за преступление, которого не совершала, становишься человеком, которого не узнаешь. Еще я никогда не думала, что я жестокий человек, пока не напала на Джуди. И вот я здесь, новая версия себя.

Хоть даже я делаю вид, что не боюсь, я перепугана до ужаса. Я чертовски уверена, что он чувствует мой страх, а смотреть, как я корчусь от него — лучшее для него развлечение.

— Я бы следил за своим языком на твоём месте.

Он останавливается и поглаживает свои фальшивые усы.

— Не забывай, что твоя жизнь и твоя свобода в моих руках.

В этот раз он делает два шага через комнату и подходит вплотную ко мне. Я слишком потрясена, чтобы пытаться уйти от него, но, когда он кладет руку на мою щеку, я хлопаю его по руке.

— Ты это сделал, — произношу я сквозь сжатые зубы. — Ты посадил меня за преступление, которого я не совершала.

— Умная девочка.

Он хлопает в ладоши.

— Но никто об этом не знает.

— Узнают, — мои губы дрожат. — Однажды я выйду отсюда. Я удостоверюсь, что все узнают, что ты сделал. Я не только разоблачу тебя, но и всех твоих дружков.

Я делаю глубокий вдох и сжимаю руки в кулаки.

— Помогите мне, — кричу я, застигая его врасплох. — Трэвис Слейд здесь. Он хочет убить меня.

Хоть я и не уверена, что кто-то меня слышит, я все равно кричу.

Он так быстро выкидывает руку, чтобы закрыть мне рот, что я ударяюсь затылком о стену. Крики, нарастающие в моей груди, умирают в моем горле.

— Не заставляй меня сделать то, о чем ты пожалеешь.

Он с такой силой прижимает меня своим телом к стене, что я не могу двигаться.

— Я тебя отпущу, но если ты закричишь, то заплатишь. Ты знаешь уже, на что я способен.

Я не могу говорить, так как он закрывает мне рот, так что в ответ пару раз моргаю.

— Ты здесь, чтобы убить меня? — спрашиваю я, как только он убирает руку с моих губ. — Поэтому ты здесь?

— Какое от этого веселье?

Он отходит от меня.

— Наша маленькая игра закончится тогда, когда ты окажешься в шести футах под землей, но я подумал, что перед этим мы сначала немного позабавимся.

Этот мужчина не просто монстр. Он болен на всю голову. Дело больше не только в том, прикрыть убийство Уинстона. Он запланировал что-то плохое. Чего именно он хочет и как далеко зайдет?

— Почему ты это делаешь? — мягко спрашиваю я со слезами на глазах.

Он прищуривает глаза, все его тело становится неподвижным.

— Сладкий пирожочек, дело не в тебе. А в Уинстоне. Ты лишь сопутствующий ущерб.

— Но Уинстон мертв. Ты убил...

Я не успеваю договорить предложение, как он бьет меня по щеке.

— Не смей больше это произносить.

Он подходит к двери, пока я держу руку на щеке, потерявшая дар речи, сломленная.

— Я лишь дал тебе почувствовать вкус, — он показывает на меня дрожащим пальцем.

— Хоть слово скажешь кому-то о моем визите, и ты пожалеешь.

Ублюдок стучит по двери три раза, а затем подмигивает мне. Дверь открывается, и он уходит. До того, как дверь закроется, и я снова окажусь в ловушке в темноте, замечаю лицо Козлиной бородки.

Теперь все обретает смысл: они работают вместе. Я бы не удивилась, если Козлиная бородка отдал приказ Джуди сделать мне подножку. Ему нужна была причина, чтобы привести меня сюда.

У меня слабеют колени, и я оседаю на пол, держа голову в руках. Я знала, что в тюрьме может быть опасно, но не настолько. Все намного хуже.

Глава 9

Я просыпаюсь, дрожащая и вспотевшая, не имея представления, сколько времени провела будучи заточенной в этой яме. Здесь нет окон, чтобы дать мне подсказку, какое сейчас время дня. По пустоте в своем желудке, я понимаю, что провела здесь несколько часов.

Перед тем, как проснуться, мне снился кошмар: день, который изменил мою жизнь. Уинстон был на мне сверху, душил. Он раз за разом повторял, что я не покину его, что все не кончено. Затем вдруг в моей руке оказался нож, и я без колебаний вонзила его ему в сердце.

Я сажусь на койке, по моей коже бегут мурашки. Пялюсь на свои руки и не вижу их в темноте, но мне все еще кажется, что они покрыты кровью Уинстона. Сон был таким реальным, что в тот момент я действительно ощущала себя убийцей.

Засовываю воспоминание о сне в дальний уголок памяти и напоминаю себе, что я невиновна, и что убийца — Трэвис.

Он действительно был здесь или мне это тоже приснилось? Вдруг я начинаю сомневаться в этом, так как мои кошмары и реальность переплелись в единое целое.

Я измучена и дезориентирована и не буду удивлена, если окажется, что я все это придумала.

Трясу головой. Не может быть. Он был здесь. Я все еще чувствую густой запах его одеколona в воздухе, а мой затылок все еще болит от удара о стену, когда он напал на меня.

Но как я смогу доказать, что он был здесь и мучил меня?

Может быть, не такая уж плохая идея мне быть запертой в этой яме. Это даст мне время подумать, составить план, который спасет мне жизнь. Он признался, что, в конце концов, убьет меня.

Я бы думала намного лучше, если бы не была голодна и не испытывала такой сильной жажды.

В попытке успокоить разум, я решаю считать до сотни, но, когда я добираюсь до сорока двух, дверь отпирают. Другой охранник, в этот раз женщина, приказывает мне следовать за ней.

Но я остаюсь там, где есть, на койке. Я хочу выйти отсюда, но у меня есть план.

— Хочешь провести здесь еще пару часов?

Она скрещивает руки на груди.

— Я плохо себя чувствую, — говорю я достаточно громко, чтобы только она услышала.

— Мне нужно к доктору.

Мне все равно по поводу угроз Трэвиса. Мне нужно с кем-то поговорить. Но не с охранником. Как мне кажется, они все работают на него.

Охранница входит в комнату и хватает меня за руку, стаскивает с койки. Она пытается заставить меня встать, но я опускаюсь на пол. Щека, которую ударил Трэвис, касается холодного пола.

Она ругается себе под нос, затем уходит, только чтобы вернуться несколько секунд спустя с другим охранником. Шепотом говорит ему что-то, что я не могу расслышать.

Я подавляю желание поднять на них взгляд. Вместо этого, я закрываю глаза и жду, что будет дальше.

Тихо вздыхаю от облегчения, когда они оба подхватывают меня под руки и поднимают на ноги. Они волокут меня в лазарет, где надо мной склоняется выглядящая доброй врач лет так пятидесяти. У нее очень красивые глаза, цвета неба, на осмотр которого мне теперь нужно разрешение.

Она просит охранников подождать снаружи.

Я обмякаю на стуле. Мне даже не нужно изображать слабость, потому что я ее действительно испытываю. Я давно не ела, а во рту все пересохло от жажды. Теперь я знаю, что сейчас утро, что значит, что я провела в яме довольно долго. Наверное, я должна быть благодарна, что не целые сутки. Может быть, Козлиная бородашка пришел в чувство.

— В чем дело? — спрашивает женщина.

Звук ее голоса вызывает во мне желание заплакать. Она похожа на ту, кому не все равно.

— Я испытываю головокружение и мигрень.

Мои слова слегка смазаны.

Она приступает к работе и проверяет мои жизненные показатели.

— Твое кровяное давление слегка понижено. Когда ты в последний раз ела?

Она аккуратно касается моего плеча рукой.

— Я не... не помню.

Я пытаюсь сказать что-то еще, но к моему ужасу, на мои глаза наворачиваются слезы. Ее доброта застигла меня врасплох. Мне нужно рассказать ей, что произошло. Я могу больше не натолкнуться ни на кого, такого же, как она, того, кому есть дело.

— Я в опасности, — выпаливаю я, слезы и сопли попадают мне в рот. — Он собирается меня убить.

Врач хмурится.

— Кто собирается убить тебя?

Я бросаю взгляд на охранников снаружи. Сейчас там только один, он стоит ко мне спиной. Это мой шанс.

— Я здесь за убийство Уинстона Слейда, но я невиновна. Настоящий убийца — его брат, теперь хочет убить меня. Он был в яме вместе со мной.

Я хватаю воздух.

— Его зовут Трэвис Слейд. Он очень опасен.

Если я стану следующей жертвой Трэвиса, мне нужно, чтобы кто-то знал. Я не позволю ему легко избежать ответственности за мое убийство.

— Вы должны помочь мне. Пожалуйста.

Я зарываюсь пальцами в волосы.

Врач садится за стол. Она долго молчит, бросает взгляд на охранника снаружи. Сейчас тот развернулся и наблюдает за мной через стекло. Он слышал, что я сказала врачу? Я сомневаюсь в этом. Если бы слышал, то был бы уже тут.

Врач, наконец, наклоняется вперед, между ее бровей залегает морщинка.

— Ты прошлой ночью хорошо спала?

У меня падает сердце. Она мне не верит. Думает, что я сошла с ума.

— Я это не придумала. Я действительно невиновна. И я в опасности. Если вы мне не поможете, Трэвис убьет меня в тюрьме.

Дело в том, что даже мне мои слова кажутся безумными.

— Дженна, в этой тюрьме повсюду установлены камеры. Никто не может войти, не будучи замеченным.

— Только если не получит помощь изнутри, — говорю я, пытаюсь оставаться спокойной.

Она скрещивает ноги и с сочувствием мне улыбается.

— Жизнь в тюрьме непроста. Сложно смириться с потерей свободы. Первые несколько недель самые сложные.

— Вы думаете, что я все придумываю? — сложно не повысить голос. — Думаете, что я сошла с ума?

Она качает головой.

— Ты не сошла с ума. Но тебе нужно поспать и хорошо отдохнуть. И как только ты поешь, то почувствуешь себя лучше. Ланч скоро подадут.

Я громко смеюсь, мой смех привлекает внимание охранника снаружи.

— Вы одна из его людей?

Охранник заглядывает в двери.

— Все в порядке?

Он смотрит на меня, прищутив глаза.

— Нет, — отвечаю я, не давая врачу ответить. — Ничего не в порядке.

С этими словами, я нахожу в себе силы встать, подойти к нему.

— Теперь я в порядке. Отведи меня в мою камеру.

Вскоре после моего возвращения в камеру приносят ланч. Но сейчас нас здесь всего трое. Джуди нет. К счастью, Козлиная бородка тоже не появляется.

Когда Латиша садится поесть, она сообщает мне, что Джуди перевели в другую камеру. И вместо ответа, я беру свою еду и встаю с ней посреди камеры, чувствуя себя сломленной и беспомощной, но еще и испытывая облегчение, что Джуди здесь больше нет.

— Теперь коек хватает, — говорит Арлин, жуя с открытым ртом. — Ты можешь занять ее постель.

Должна сказать, что удивлена, что они обе добры ко мне, когда всего пару часов назад смеялись, когда Джуди сделала мне подножку.

Не говоря ни слова, я сажусь на пустую койку и быстро съедаю свою еду, пока с ней ничего не произошло. В этот раз, никто на меня не нападает.

После ланча, мы получаем разрешение час погулять во дворе и подышать свежим воздухом.

Я не могу никому доверять, так что держусь особняком. Нахожу лавочку не так далеко от забора и сажусь, пока другие заключенные отмечают свою временную свободу. Издалека, я замечаю Джуди. Наши взгляды пересекаются, и она показывает мне средний палец.

Хоть меня изнутри обжигает ярость, мне удастся не реагировать. Я не ввяжусь в еще одну драку. Я не дам им причины снова отправить меня в яму.

Скрещиваю руки на груди, транслирую сообщение, что люди должны держаться от меня подальше, защищаю свое личное пространство. Я только начинаю расслабляться, когда ко мне подходит женщина с копной рыжих волос, зализанных назад гелем. Ее зовут Джули, и она в тюрьме за убийство человека, с которым она работала на заправке.

— Привет, подружка.

Когда она улыбается, становится виден блестящий золотой зуб.

Я слышала о ней — женщине, которая в тюрьме изображает из себя парня. По другую сторону забора у нее есть муж и дети. По слухам, здесь у нее есть пара девушек. Я не собираюсь становиться одной из них.

Когда я не реагирую на нее, она занимает место на лавочке рядом со мной. Я смотрю прямо перед собой, ничего не видя.

— Ты игнорируешь меня, детка?

Она поднимает руку, чтобы прикоснуться к моей щеке. Я отстраняюсь, так что ее рука пролетает мимо моего лица.

— Ты совершаешь большую ошибку, — предупреждает она. — Ты долго не проживешь здесь без друзей. Я нужна тебе на твоей стороне.

Я сжимаю зубы. Мне нужно, чтобы она оставила меня в покое, но еще я ее боюсь. Что если она нападет на меня, и мне придется защищаться? Еще одна драка, определенно, приведет меня в яму.

Мои плечи от облегчения опускаются, когда она встает.

— Я вернусь, — говорит она, уходя.

Хоть в последние дни мне сложно поверить в существование Бога, я посылаю ему молчаливую благодарность. Еще я прошу Бога помочь мне найти путь из этого мрака.

Худшее, что может произойти со мной, это не смерть. Больше всего меня пугает умереть тогда, когда никто не знает, что совершил Трэвис. Я боюсь, что он сотрет меня с лица земли до того, как я найду доказательства его вины. Поэтому я не могу сдать.

Как только он окажется за решеткой, мне будет все равно, что будет со мной. Я все равно уже мертва внутри.

Глава 10

Когда я вхожу в свою камеру после того, как провела большую часть утра на своей новой работе по мытью немых унитазов, да еще и без перчаток, я бросаю взгляд на свои руки. Меня подташнивает от мысли, что этими же руками я буду есть. Никакое количество мытья и оттирания не заставят меня почувствовать себя чистой.

Мои сокамерницы уже в камере, пытаются занять себя, пока ждут, когда принесут ланч.

Но кое-что поменялось. В нашей камере новая женщина, замена Джули. Я видела ее снаружи пару раз, но никогда с ней не говорила. Она хрупкая и симпатичная, с длинными ресницами и густым пучком черных волос на затылке. Она выглядит в тюрьме не к месту. Она была бы, как рыба в воде, на обложке журнала «Vogue». Но поразительный контраст с ее тонкими чертами лицами составляют ее глаза, жесткие и угрожающие. Как только наши взгляды пересекаются, я понимаю, что не хочу переходить ей дорогу.

Я не возражаю против новой сокамерницы, но меня раздражает, что она сидит на моей койке.

Когда дверь снова запирают, я смотрю на нее. Я удивлена тем, что она мне улыбается. У

меня два выбора. Могу сказать ей, что койка уже занята, и ей придется спать на матрасе, или могу забыть о койке и отдать ее ей, чтобы избежать конфликта. Я выбираю второй путь.

Я отвожу от нее взгляд и опускаюсь на матрас, служивший мне постелью до того, как ушла Джуди. Не обращая внимания на жжение кислоты в моем желудке, я ложусь на спину и закрываю глаза, делаю вид, что я не здесь.

— Ты со мной не здороваешься?

Незнакомый голос разрывает тишину, а за ним следует волна смеха.

Я открываю глаза и поворачиваюсь, чтобы посмотреть на новенькую.

— Ты говоришь со мной?

— Да, — отвечает она, не отрывая взгляда от моего лица. — Я говорю с тобой, кексик.

Она отталкивается от койки и подходит ко мне с протянутой рукой.

— Я Мелинда, но все зовут меня Саншайн. Очевидно, что моя улыбка освещает это мрачное место.

Хоть даже она больше не выглядит, как угроза, я научилась не недооценивать никого в «Крик». Я натягиваю улыбку и пожимаю ее руку.

— Дженна.

— Я слышала о тебе.

Она отпускает мою руку.

— Ты убила своего жениха миллиардера, так?

— Нет, — поспешно отвечаю я. — Я невиновна.

Все снова сменяется, включая Саншайн, которая возвращается к койке. Я знаю, что они все думают. Они думают, что я лгуныя.

— Хочешь знать, за что я здесь?

Саншайн растягивается на маленькой койке, ее длинные ноги свисают с края.

Я пожимаю плечами. Мне не интересно. Я просто хочу, чтобы она перестала со мной разговаривать. Я не в настроении для разговоров.

— Она тоже убийца, — опережает ее с ответом Латиша.

— Все верно, — добавляет Саншайн, словно это повод для гордости. — Я перерезала глотку своему мужу... среди всего прочего.

— Ладно, — говорю я, по моей спине пробегает мороз. Я не знаю, что еще она ожидает от меня услышать. Она хочет, чтобы я ее поздравила?

— Как тебе в тюрьме? — спрашивает она. — Я знаю, что к ней сложно привыкнуть.

— Да, — я сжимаю губы.

— Не переживай. С каждым днем будет становиться все легче, — она делает паузу. — Я вообще-то бывалая.

К счастью для меня, разговор завершается, когда приносят ланч. Для нас всех важна лишь еда на тарелках. Я не могу не смотреть, как ест Саншайн. Соус стекает с ее подбородка, когда она глотает еду, не жуя.

Я отвожу от нее взгляд, чтобы сосредоточиться на собственной еде. Я жую лапшу и переваренное мясо, но не чувствую никакого вкуса. Я ем лишь потому, что позже могу пожалеть, что отказалась от приема пищи.

— Расскажи мне что-нибудь, — просит Саншайн, вылизав тарелку дочиста. — Если ты невиновна, тогда, кто виновен?

Я смотрю на нее, ждущую ответа, и в моем желудке образуется тугий узел. Что, если ее отправили в нашу камеру не просто так? Может ли она быть одной из людей Трэвиса? Я

игнорирую ее вопрос, но она не отстаёт.

— Послушай, — она вытирает соус с губ тыльной стороной ладони, — я здесь, потому что я виновна. Я этого не отрицаю. Но думаю, что это дерьмово, когда человека запирают ни за что.

Она ещё раз вылизывает тарелку.

— Ты выглядишь так, словно и мухи не обидишь. Я чувствую убийцу за километр. Наверное, рыбак рыбака видит издалека.

Может быть, она все-таки не работает на Трэвиса. Если бы работала, заговорила бы она со мной? На самом деле, она выглядит довольно искренней. И, стоит признаться, ее слова много для меня значат. Если она действительно имеет в виду то, что говорит, тогда, может быть, жить с ней в одной камере не так уж плохо. Она может быть единственным человеком в этом месте, кто мне верит. Может быть, настало время завести подругу.

— Спасибо, — бормочу я.

— Не благодари меня. Расскажи мне, что собираешься делать.

— Насчет чего?

Я ставлю свою тарелку на пол рядом с матрасом и выпрямляюсь, прислоняясь спиной к холодной стене.

— Ну, ты собираешься просто смириться и гнить в тюрьме? Или ты планируешь с этим что-то сделать?

— Что я могу сделать? Никто мне не верит.

— Девочка, если никто не борется за тебя, ты должна бороться за себя сама. Найди доказательства, необходимые, чтобы доказать твою невиновность.

Она поворачивается к другим женщинам в комнате.

— Вы единственные, кто у вас есть.

— Как тебе в тюрьме?

Я меняю тему. С моей стороны неразумно рассказывать о своих планах. Среди нас может быть шпион.

— Не так уж плохо. Тут бесплатно кормят, и есть, где поспать. Чего еще просить? Тюрьма предпочтительнее свободы.

По мне прокатывается волна паники. Меня ужасает мысль, что кому-то больше нравится быть за решеткой, вместо того чтобы наслаждаться свободой.

Если я проведу здесь достаточно времени, то буду чувствовать тоже самое? Ни за что, черт возьми. Я не отдам свою свободу. Я отказываюсь считать жизнь за решеткой нормой. Слова Саншайн, лишь придают мне желания сделать все, что возможно, чтобы выбраться из тюрьмы до того, как я потеряю себя. Я никогда не буду чувствовать себя, как дома, по эту сторону забора.

Наконец, Саншайн перестает со мной разговаривать и решает сыграть в шахматы с другой женщиной. Никто не просит меня присоединиться к ним, да я и не возражаю. Они знают, что я откажусь.

Я достаю свой блокнот и ручку, и записываю свои мысли, чтобы не сойти с ума.

Глава 11

Когда я была ребенком, мой отец часто говорил мне, что, если со мной случается что-то плохое, мне нужно лишь закрыть глаза, и мой разум перенесет меня в место, в котором я хочу оказаться.

Все школьные годы я следовала этому совету. Когда чувствовала себя изгоем среди

других детей, когда они смеялись надо мной или обсуждали меня за моей спиной, я использовала силу своего разума, чтобы найти спасение. Я представляла себе «Диснейленд». Я путешествовала в это место в своем разуме так много раз, что у меня зачастую возникало ощущение, что я была там лично.

Теперь я здесь, в тюремном дворике, сижу одна на лавочке вдалеке от остальных. Мои глаза закрыты, а руки сцеплены на коленях. Теперь своим счастливым местом я представляю противоположную сторону забора, где мне не придется просить ни у кого разрешения выйти погулять, насладиться нежным и теплым прикосновением солнца к своей коже.

Как бы я не пыталась найти спасение в своем разуме, это не работает. Я все еще слышу голоса других заключенных, их смех и ругань. Эти звуки атакуют мои уши. Эта тюрьма украла у меня больше, чем свободу. Она украла мою способность мечтать и надеяться. Хотя я и пытаюсь верить, что однажды я выйду из ворот «Крик», мой разум отказывается верить, что это произойдет.

Я делаю глубокий вдох, но вместо свежего воздуха, мои легкие наполняют запахи пыли, пота и стагнации. Вместо кислорода, который поддерживал бы во мне жизнь, я умираю с каждым вдохом. Даже хуже, мой разум все еще помнит вонь дерьма, попавшего мне на руки на работе этим утром. Я никогда не забуду то ощущение, когда мне пришлось засунуть свою руку в туалет, чтобы прочистить его без перчаток, в то время как охранники умирали от смеха. Я в жизни своей не испытывала большего унижения.

Крик и громкие шаги заставляют меня распахнуть глаза. Я поднимаю руку, чтобы защитить глаза от солнца и лучше разглядеть, что за суматоха возникла рядом с одним из входов в здание.

У меня сжимается сердце, когда я вижу, как дерутся двое заключенных. Ни один день не проходит без того, чтобы кого-либо не избили. Эта реальность удручает. Я чувствую, словно день, когда я не получила фингал, это чудо. Может быть так и есть. Но моя вера в чудеса медленно умирает мучительной смертью.

Я уже готова опустить руку, проигнорировать то, что происходит вокруг меня, и продолжить сохранять дистанцию, когда замечаю охранника рядом с эпицентром драки.

Вместо того чтобы помочь, он держится поодаль, глядя прямо на меня. Я чувствую прикосновение его взгляда к своей коже. Мне не нужно быть рядом и видеть его лицо, чтобы знать, что это он. Я чувствую, что это он, всем своим сердцем.

Мои внутренности покрывается льдом, я вскакиваю на ноги, в неуверенности, что делать. Может быть, мне стоит позвать других охранников, дать им знать, что я в опасности.

Я делаю несколько неуверенных шагов по направлению к толпе улюлюкающих заключенных, любящих хорошую драку. Мой взгляд не отрывается от охранника, которого я считаю Трэвисом.

Невидимая рука сжимается вокруг моих легких, не давая мне нормально вдохнуть. Мои ноги ощущаются свинцовыми. Двигаются, как мне кажется, слишком медленно. Затем сбоку от меня раздается крик, и я поворачиваюсь в его направлении. Большая ошибка. Когда я поворачиваюсь назад, Трэвиса уже нет.

Я останавливаюсь с все еще бешено бьющимся сердцем, мой разум затуманивает смятение. Он действительно там был или мне померещилось?

Как только подравшихся заключенных отводят в здание, я отправляюсь на поиски Саншайн. Она была не далеко от того места, где стоял Трэвис.

За то время, что Саншайн была моей сокамерницей, мы немного подружились,

особенно с тех пор, как я стала больше открываться в разговорах с ней. По какой-то причине, я чувствую себя рядом с ней в большей безопасности.

— Ты его видела? — спрашиваю я, прижимая руку к сердцу.

— Кого?

Она прислоняется к ближайшей стене и прищуривает глаза.

— Тут был охранник.

Я жадно ловлю воздух.

— С толстыми усами.

Она снимает пылинки со своего рукава.

— О чем ты говоришь? Тут много охранников с усами.

Я беру ее за руку и отвожу в сторону, чтобы никто не услышал наш разговор.

— Послушай, думаю, я видела нового охранника. Он стоял прямо там во время драки, — показываю на место, где я считаю, стоял Трэвис. — Он был там, клянусь. Он...

— Эй, успокойся. Ты вспотела, как свинья. Кому какое дело, если тут новый охранник?

— Не бери в голову.

Я вытираю пот со лба тыльной стороной ладони.

— Мне просто интересно, вот и все. Все хорошо.

Вообще не хорошо. Больше никогда ничего не будет хорошо.

Может быть, я действительно схожу с ума, разваливаюсь на куски посреди бела дня. Но почему я так сильно ощущаю его присутствие?

Саншайн что-то собирается сказать, но раздается сигнал об окончании нашей прогулки, и охрана отводит нас обратно по камерам. Пока все устраиваются, я пытаюсь игнорировать тот факт, что мне нужно в туалет. Обычно, я стараюсь дождаться своего дежурства в ванной комнате, чтобы сходить в туалет.

Но я не могу терпеть. Я проглатываю свою гордость и сажусь на унитаз. Слезы унижения наворачиваются мне на глаза, когда из меня начинает течь жидкость.

— Проклятье, Дженна? — Арлин закрывает нос. — Что, бл*ть, ты ела?

— Заткнись, Арлин, — отвечает Саншайн. — Не делай вид, что твое дерьмо не воняет.

Я смотрю на нее с благодарностью и закрываю глаза, когда по мне прокатывается новый спазм. Держу глаза закрытыми, пока не закончу. Затем возвращаюсь на свой матрас, стараясь не встречаться ни с кем взглядом.

Лежу на боку, глядя на стену и ощущая под своей щекой горячие слезы, когда вдыхаю запах, виной которому я стала. Другие все еще ворчат, но мне все равно. Они пользуются туалетом без извинений.

— Дженна, — зовет меня со своей койки Саншайн. — Ты уже поняла, кто совершил убийство? Интересно знать.

Я прочищаю горло.

— Пока нет.

Отчаянно желаю рассказать ей, поделиться своей ношей с кем-то еще, с тем, кто верит в мою невиновность. Может быть, она даже как-то сможет мне помочь. Но я никому не доверяю. Если я и решу признаться во всем Саншайн, то сделаю это наедине.

— Дерьмово, — говорит Саншайн. — Должно быть, ужасно сидеть за чужое преступление.

Я не отвечаю, но ее слова чуть уменьшают мою боль.

Вполуха прислушиваюсь к рассказу Саншайн о своем брате, профессиональном

грабителя, который освободился три года назад. Она даже делает мне предложение, говоря, что ее брат может помочь мне сбежать из тюрьмы за деньги.

Я благодарю ее, но отказываюсь. У меня не хватит духа попытаться сбежать. И, если меня поймают, мне могут добавить еще срок.

Позже этим днем, после того, как выключают свет, из моих глаз проливается еще больше слез. В темноте, пока другие храпят, я в открытую оплакиваю свою свободу.

Единственное, что помогает мне пережить ночь — это знание, что Хизер завтра утром нанесет мне визит. Вместе мы найдем способ вытащить меня отсюда. Это если Трэвис не убьет меня до того, как мне выдастся шанс разоблачить его. Каждый мой вдох может оказаться последним.

Глава 12

Он вжимает меня своим телом в матрас. Его горячее дыхание касается моего лица. Прижимаясь своими губами к моим, он раздвигает мои ноги и толкается в меня. Я резко втягиваю воздух, когда он полностью меня заполняет. Так приятно. Пока он не начинает шептать мне на ухо. Я просыпаюсь. Пот стекает по моей спине, а внутренности сжимаются от страха.

Я все еще четко помню его слова.

Теперь ты моя.

Сажусь и прислоняюсь спиной к холодной стене. Что со мной не так? Почему мне снилось, что я занимаюсь сексом с Трэвисом, человеком, которого я ненавижу до глубины души? Почему я наслаждалась этим сексом?

Я обхватываю свое тело руками, вглядываюсь в темноту, боюсь, что я, наконец, сошла с ума и это уже не остановить.

Мой мочевой пузырь настолько переполнен, что у меня болит живот. Мой разум призывает меня пойти и воспользоваться туалетом, но что-то меня останавливает. Я снова ощущаю его присутствие. Он прячется в тених? Если это только в моей голове, почему я чувствую запах его одеколona?

Я пялюсь на слабую полосу желтого света под дверью. Но она яркая, что значит, что там никто не стоит. Когда мимо проходит охранник, мы всегда это узнаем по этой полоске света.

Эта мысль все равно не избавляет меня от страха, я ненавижу себя за подобные чувства, за то, что чувствую себя такой слабой.

Я прижимаю ладони к глазам, заставляю себя прийти в чувство. Если я сломаюсь, это ни к чему хорошему не приведет. Мне нужно отместить в сторону страха и сосредоточиться, составить какой-нибудь план.

Хизер — моя единственная надежда, но мне нужно знать, о какой помощи ее просить. Чтобы она помогла мне, я должна рассказать ей обо всем, что здесь происходит. Я лишь боюсь, что, если втяну ее в это, она окажется в опасности. Что, если Трэвис решит ее убить?

Но, если я не обращусь к ней, к кому еще мне обратиться?

Наступает утро, а плана у меня все еще нет. Даже хуже, у меня в голове такой туман, что у меня ощущение, что меня накачали наркотиками. В оцепенении, я выполняю свои обязанности. В этот раз, я уже не испытываю такого отвращения, чистя туалеты. Я воображаю, что, когда я отчищаю слизь, то счищаю с себя собственную грязь, очищаю свой путь для большей ясности. Так я ощущаю чуть больше контроля над ситуацией.

Но я считаю минуты до прихода Хизер. Если бы я могла ускорить время. Наконец,

время наступает. Я устала ждать. С меня льется пот, пока я иду в зал для свиданий.

У меня сжимается сердце, когда я не замечаю ее в комнате. Поворачиваюсь к охраннику, и он подтверждает, что у меня есть посетитель, что я должна сесть за стол номер восемь.

— Он скоро будет.

— Он? — хмурюсь я. — Это мужчина? Я ждала свою сестру.

Я не понимаю. Уговорила с Хизер вчера, и она сказала, что придет. Мой отец решил прийти вместо нее? Он единственный мужчина в списке моих посетителей. Хизер упоминала, что он чувствует вину за то, что не пришел с моей матерью в последний раз. Я хочу увидеться с ним, но он не сможет помочь мне, как Хизер.

Встретиться с ним на пару минут принесет лишь боль нам обоим. Я хочу как-то исправить свое положение, чтобы я могла видеться с ним так часто, как хочу, без ограничений. Если он придет сегодня с визитом, то я увижу Хизер только на следующей неделе. За это время может многое случиться. К тому времени меня уже может не быть в живых.

Охранник не успевает ответить, приходит мой посетитель. Видя его лицо, я вскакиваю со стула. Я хватаюсь за живот, задыхаясь.

Мой посетитель — Трэвис. Что он здесь делает? Его нет в списке.

Во мне закипает гнев, заставляя меня испытывать тошноту. Они что позволяют посещать меня кому угодно?

Он одет в джинсы и угольную рубашку, которую я очень хорошо узнаю. Это рубашка, которую я купила Уинстону в аэропорту, когда мы полетели на Мальдивы. Трэвис одел ее специально. Он хочет причинить мне боль, напомнить мне о том, на что он способен. Не важно, как далеко я убегу, он всегда будет на шаг впереди.

— Ты выглядишь так, будто только что увидела призрака, — говорит он, улыбаясь лишь уголками губ.

Он надушился тем же одеколоном, который я почувствовала, когда проснулась от своего кошмара. Запах был таким же реальным, как и сейчас.

Я пытаюсь заговорить, но в моем горле застревает ком. Инстинкты подсказывают мне уйти, отказаться сегодня от посетителей. Но я не могу. Может быть, это скрытое благословение. Я сейчас в диком ужасе, но, может быть, не так уж плохо, что он здесь. Это предоставит мне возможность вступить с ним в схватку.

Он опускается на стул, зарезервированный для моего посетителя, для того, кому я не безразлична, того, кто меня любит.

— Не присядешь? — спрашивает он. В его тоне намек на смех. Он веселится, мучая меня.

Я падаю на стул, мои ноги не держат меня.

— Выглядишь хреново, — говорит он. — Наверное, неудивительно, учитывая обстоятельства.

— Чего ты хочешь?

Я опускаю руки, чтобы он не видел, что они дрожат.

— Может уже хватит?

— Я только начал, сладкая. Только то, что ты за решеткой, не значит, что все кончено.

Он резко выдыхает.

— Наверное, я пришел посмотреть, что ты получила по заслугам. Если бы не ты, мой

брат был бы еще жив.

— Ты лжец.

Я тычу в него пальцем.

— Ты убийца. Ты убил собственного брата, ублюдок.

— Тишина, — предупреждает дежурный охранник. Я ощущаю его взгляд на своей правой щеке, но не смотрю. Мой взгляд прикован к Трэвису.

— Я хочу, чтобы ты, черт возьми, оставил меня одну, — произношу я стальным тоном. — Ты получил, что хотел. Я за решеткой за преступление, которое совершил ты. Чего еще ты хочешь?

Я могу спросить его о том, почему он преследует меня за решеткой, но он, определенно, хочет, чтобы я думала, что все это только в моей голове. Пусть лучше так и думает. Я должна действовать осторожно. Последнее, что мне нужно, чтобы он запаниковал и убил меня до того, как я соберу против него доказательства. Пусть думает, что я смирилась со своей участью.

— Я хочу извинений.

Он ненадолго закрывает глаза, а затем открывает их снова.

— Ты мне его должна, ты так не считаешь?

Я пялюсь на него на грани того, чтобы рассмеяться. Я собираюсь сказать что-нибудь ехидное, когда я замечаю кое-что на его лице, бледное пятнышко на верхней губе, похожее на высохший клей.

— Что это? — вырывается у меня.

Ему не нужно отвечать мне, так как я уже поняла, что он носил усы, что использовал маскировку, чтобы перемещаться по тюрьме, притворяясь охранником.

С одной стороны, облегчение знать, что я не выдумщица. Но с другой, мне неприятно знать, в какой опасности я нахожусь.

Он прикасается к своей верхней губе, его зрачки расширяются лишь на секунду, но я успеваю заметить панику в его глазах.

— Я уйду, — вдруг говорит он, вставая на ноги. — Ты права. Теперь, когда ты за решеткой на очень долгий срок, у меня нет причин быть здесь.

Когда он уходит, я хочу сказать ему, что не на такой уж и долгий, что я найду способ выйти и посадить за решетку его вместо себя. Но я держу рот на замке. Я уже зашла слишком далеко.

Его внезапное решение уйти подсказывает мне все, что мне нужно знать. Я застала его врасплох, и он не знает, как к этому относиться. Вероятно, он будет корить себя за безрассудство. Каждая ошибка, которую он совершает, может привести его в тюрьму. И он только что совершил первую. Я чертовски уверена, что он допустит их еще.

Я опускаю голову на стол и прижимаюсь лбом к дереву, пытаюсь изо всех не расплакаться от облегчения и страха. Меня бесит, что он украл у меня время, которое я могла провести с сестрой. Но в то же время, я увидела правду. Но что теперь? Как он в следующий раз ударит, и как я смогу защититься?

Так как мои сокамерницы решают полностью воспользоваться своим временем для визитов, я нахожусь в камере одна. Тишина — как раз то, что мне нужно, чтобы проанализировать произошедшее. Я опускаюсь на матрас, мои колени ослабли.

Козлиная борода, который отвел меня обратно в мою камеру, захлопывает дверь, но,

когда я слышу звук ключа в замке, я вскакиваю на ноги и бегу к двери.

— Я хочу увидеться с начальником тюрьмы, — кричу я.

Козлиная борода не сразу открывает дверь. Его глаза сужаются до щелочек, когда он смотрит на меня.

— Что ты сказала?

Я задираю подбородок и смотрю ему прямо в глаза.

— Мне нужно увидеться с начальником тюрьмы.

Я знаю, что мою просьбу могут и не выполнить. За все время в тюрьме, я видела начальницу тюрьмы всего три раза, в основном издали. Она проводит большую часть времени в своем офисе. Она принимает участие только тогда, когда заключенные ведут себя очень плохо, и нужно принимать радикальные меры.

— Ты что думаешь, что ты в отеле? — Козлиная борода выпячивает грудь. — Думаешь, можешь выдвигать требования?

Я опускаю взгляд и делаю вдох, чтобы успокоиться. Я должна пойти на этот риск. Я снова поднимаю взгляд с мольбой в глазах.

— Это важно. Пожалуйста, отведите меня к ней.

Его губы растягиваются в медленной ухмылке. Затем он качает головой.

— Такому не бывать.

Он захлопывает и запирает дверь, я слышу его шаги, когда он уходит.

Я бью руками по двери, кричу ему, чтобы он меня выпустил, ору, как ненормальная. Если они не идут навстречу по-хорошему, мне придется привлечь их внимание другими способами. Я отказываюсь, чтобы меня игнорировали.

Продолжаю кричать и требовать встречи с начальницей тюрьмы, пока у меня не заканчивается воздух, а горло не начинает саднить. Я веду себя, как ребенок, у которого случилась истерика, но какой выбор у меня еще есть?

Я удивлена, когда, через пятнадцать минут, на пороге моей камеры появляется начальница тюрьмы, а рядом с ней другой охранник. Я рада, что это не Козлиная борода.

Габриэль Уилсон бледная женщина, всегда одетая в синий костюм, носит тугий пучок на затылке. Она больше похожа на бизнесвумен, чем на начальницу тюрьмы.

— Надеюсь, что у тебя была веская причина устраивать весь этот шум.

Она упирает руки в бедра с напряженным выражением лица.

Главное, что она пришла. Думаю, что мне оказали честь. Это мой шанс. Настало время рассказать ей, что происходит.

Я делаю по направлению к ней несколько шагов, но она поднимает руку, чтобы показать, что я должна оставаться на месте. Вероятно, она думает, что я опасна. Я ее не виню. В конце концов, я в тюрьме за убийство.

Я пячусь назад, впиваюсь ногтями в ладони.

— Мне было нужно... мне нужно поговорить с вами.

Она сводит брови вместе.

— О чем?

Она бросает взгляд на свои черные кожаные наручные часы.

— У меня есть дела.

— Я в опасности. Меня кое-кто преследует.

— Здесь в тюрьме?

На ее губах появляется легкая улыбка. Она мне не верит.

— Могу я спросить тебя, кто тебя преследует?

Охранник рядом с ней усмехается.

Я поднимаю подбородок.

— Его зовут Трэвис Слейд.

Она выгибает идеальную бровь.

— Брат человека, которого ты убила?

В мое сердце вонзается невидимый кинжал.

— Я этого не делала. Трэвис Слейд убил своего брата. Он подставил меня. Я невиновна.

— Мисс Макнелли, — начальница качает головой, — вы здесь, потому что суд признал вас виновной. Пытаться убедить меня в обратном не имеет смысла. Смиритесь с решением суда.

— Я не пытаюсь убедить вас в своей невиновности.

Моя цель — заставить ее поверить, что Трэвис преследует меня. Мне нужна ее защита. Как только я найду доказательства своей невиновности, кто-нибудь поможет мне выйти отсюда.

— Трэвис Слейд пришел сюда, одетый в форму охранника. Он вошел в яму, когда я была там. Он хотел причинить мне боль... убить меня.

У меня заплетается язык. Она снова смотрит на часы.

— Зачем бы ему это делать?

— Потому что я угроза для него.

У меня опускаются плечи.

— Он боится, что я найду способ доказать, что убийца он, а не я.

Начальница тюрьмы скрещивает руки на груди.

— Вы знаете, как много заключенных говорит мне, что они невиновны? Удивительно, что я еще не сошла с ума.

— Я сойду с ума, если вы не поможете мне, — с отчаяньем выпаливаю я. — Если вы что-нибудь не сделаете, то однажды войдете сюда и найдете мой труп.

Она молчит, внимательно рассматривая меня, ее темные глаза изучают мое лицо.

— Вы утверждаете, что подумываете совершить суицид? В этом случае, может, нам стоит перевести вас в Блок Е.

Я слышала о Блоке Е, месте, где держат сумасшедших заключенных. Если я окажусь там, игра закончена. Как только меня признают сумасшедшей, больше никто не поверит, что я невиновна.

— Я не собираюсь убивать себя, — я распрямляю плечи. — Если вы ничего не сделаете, Трэвис меня убьет.

Начальница вздыхает.

— Дженна, первые несколько недель в тюрьме самые тяжелые. На поверхность всплывают многие страхи.

Ей действительно жаль меня, как было жаль врачу.

— Со временем станет легче, — она делает паузу. — Я проигнорирую ваше поведение сегодня, но в следующий раз будут приняты дисциплинарные меры.

Не успеваю собраться с мыслями, как она выходит из камеры и просит охранника запретить меня.

Весь оставшийся день я хожу в мрачном депрессивном настроении. Если начальница отказывается защищать меня, тогда кто защитит? Кто поверит мне?

После долгого утопания в разочаровании, я решаю, что не могу просто сдаться. Чем дольше я остаюсь здесь, тем тяжелее будет выйти отсюда. Я должна найти другой путь... и быстро.

На следующий день, во время прогулки по тюремному двору, я отвожу Саншайн в сторонку и рассказываю ей все. А затем прошу ее об услуге.

— Ты сказала, что твой брат грабитель, так?

— Лучший.

— Мне может понадобиться его помощь.

Глава 13

Трэвис

Сев в машину после своего визита к Дженне, я бью себя кулаком по ладони. Я знал, что рискую, входя в «Крик» в качестве посетителя.

Видеть шок на ее лице того стоило, но я, как идиот, раскрыл себя.

Я крепко сжимаю челюсти и бросаю взгляд в окно заднего вида.

— Бл*ть.

Вот он. Клей, на который я приклеивал усы над верхней губой.

Играть в игры весело, но это может стать опасным, если я не буду осторожен.

Дженна вела себя совсем не так, как я ожидал. Она была чертовски напугана, когда увидела меня, но, на мой вкус, слишком хорошо управляла собой, особенно, после всех трудов, которые я приложил, чтобы посеять хаос в ее голове. Хоть даже в ее глазах стоял страх, она все еще была решительно настроена доказать свою невиновность, сражаться. Меня это не устраивает.

Я хочу увидеть ее раздавленной и сломленной, что значит, что мне нужно поднять ставки. Я не остановлюсь, пока от нее не останется лишь пустая оболочка. Как только я добьюсь этого, я уничтожу ее раз и навсегда.

Когда я завожу двигатель, звенит мой телефон. Это Стор. Я сбрасываю звонок.

Сегодня я не совершу еще одной глупой ошибки. Говорить с главой тюремной охраны прямо сейчас перед тюрьмой будет неразумно, особенно, после того, что произошло сегодня. Я должен восстановить контроль над ситуацией.

Я завожу машину и отъезжаю от здания. Направляюсь на кладбище. Как только паркуюсь, звоню Стору.

Сейчас идет дождь, крупные капли ударяют о ветровое стекло, как пули. Звук такой громкий, что мне приходится добавить громкость на телефоне.

— Повтори, что только что сказал.

Я прислоняюсь головой к подголовнику и закрываю глаза.

— Я сказал, что у нас проблема.

Он говорит недостаточно громко. Словно боится, что его услышат.

Я открываю глаза.

— О какой проблеме ты говоришь?

— Она говорила с начальницей тюрьмы.

— Что? Как, бл*ть, это произошло? Я же говорил тебе не давать им общаться.

Массирую свой пульсирующий висок.

— Я пытался, как мог.

Меня раздражает, что голос Стора так сильно дрожит. Он не может проявлять слабость,

не сейчас.

— Я совершил ошибку, наняв тебя, Стор? Мне нужно было выбрать кого-то другого?

Перед тем, как его нанять, я пустил по его следу детектива. Его жена больна раком, двое детей учатся в колледже, долги растут, как снежный ком, так что он был идеальным кандидатом.

— Я хочу, чтобы ты был осторожен.

— Мне жаль, — он умолкает. — Не знаю, смогу ли это сделать. Если меня поймают, я потеряю работу. Я не могу ее потерять, парень. Мне нужно платить по счетам.

Дерьмо.

— Обо всех твоих счетах позаботятся, если ты сделаешь так, как я попросил, — сжимаю зубы. — Если ты справишься хорошо, я могу даже нанять тебя для чего-то другого, за что заплачу еще лучше. Ты же не хочешь всю свою жизнь работать в тюрьме?

— Конечно же, нет.

— Тогда соберись, сделай чертову работу и будешь вознагражден. Думай об этом, как об интервью на лучшую работу.

— Хорошо, — мямлит он, на линии слышно его тяжелое дыхание. — Что она тебе сделала? Я смотрел новости. Я знаю, что она убила твоего брата, но баба получила заслуженное наказание. Почему ты ее преследуешь?

— Ты не поймешь. А теперь прекрати задавать дурацкие вопросы и придержишься нашего плана. Конец близок.

Он не знает, что Дженна не единственная, кто будет устранен в конце всего. Теперь, когда он выставил себя передо мной трусом, я не могу рисковать тем, чтобы он сдал меня. Как только работа будет завершена, ему придется умереть.

— Что я должен сделать дальше? — спрашивает он.

— Я хочу, чтобы она вернулась в яму. Убедись, что камера видеонаблюдения отключена, как и в прошлый раз. И включи мою. Мне нужна запись. Дай мне знать, когда все будет готово.

Глава 14

Дженна

Хизер грустными глазами рассматривает мое лицо. Я знаю, что она в шоке от того, как я выгляжу. Мне не нужно смотреться в зеркало, чтобы знать, что мои щеки впали, а под глазами образовались темные круги. Моя форма сильно обвисла на мне.

— Ты ничего не скажешь? — натягиваю один из рукавов. — Знаю, что тебе тяжело видеть меня в таком состоянии.

— Прости, милая, — она промачивает глаза. — Ты права. Просто мне тяжело видеть тебя... в этом месте.

Между нами повисает молчание. В данный момент слова бессильны. Мне разбивает сердце знать, что это я причиняю ей такую боль, пусть и ненамеренно.

— Я так рада тебя видеть.

Натягиваю улыбку, которая не способна растопить лед вокруг моего сердца.

— Я не могла дождаться нашей встречи.

Она качает головой.

— Я все еще не могу поверить, что ты в тюрьме, ведь ты невиновна.

— По крайней мере, ты веришь в это. Мне кажется, что даже мама с папой мне не верят.

— Конечно же, я верю, Дженна, — она делает паузу. — Как и мама с папой. Просто... им очень тяжело. Они все еще пытаются прийти в себя.

По ее щеке скатывается слеза.

— Мы все пытаемся.

— Знаю.

Я опускаю взгляд, чтобы взять передышку от жгущей боли в ее глазах.

— Дженна, — говорит она, — посмотри на меня, милая.

Я поднимаю глаза, и наши взгляды встречаются.

— Я могу что-то сделать для тебя? Хочешь, я принесу твои книги или еще что? Что поможет тебе почувствовать себя лучше?

— Возвращение моей свободы. Это единственное, что поможет мне почувствовать себя лучше. Мне нужно, чтобы ты помогла мне.

Я не хочу быть, как многие другие заключенные, смирившиеся со своей участью. Это не моя жизнь.

Хизер открывает рот, но не произносит ни слова.

— Ты... ты сможешь мне?

— Ты же знаешь, что я ничего не хочу больше, чем помочь тебе вернуть свободу и твою жизнь, но как? — она пожимает плечами. — Что я могу сделать?

Я бросаю беглый взгляд на одного из двух охранников в комнате, того, что ближе к нам. Он отвлекся на то, чтобы не дать пожилому мужчине обняться с заключенным, которого он навещает. К счастью, Козлиная бородка, похоже, выходной. Я не видела его весь день.

Я поворачиваюсь к Хизер.

— У меня есть план.

Она проводит рукой по волосам.

— Надеюсь, ничего, что навлечет на тебя неприятности. Сладкая, я, правда, думаю, что помочь тебе может только твой адвокат.

— У меня больше нет адвоката.

Я прикусываю нижнюю губу.

— Я не могу доверять Престону или еще кому-либо. Могу ошибаться, но, что, если он работает на плохих ребят? Что, если он помогал им посадить меня?

— Я не понимаю.

Хизер наклоняет голову, ее волосы касаются плеча.

— Разве он не сделал все возможное, чтобы доказать твою невиновность? Я хочу сказать....

— Я тоже так думала... поначалу, — неуверенно пожимаю плечами. — Я знаю лишь, что невиновна, в то время как настоящий убийца на свободе и может продолжить убивать. Просто поразительно, сколько свидетелей давали показания против меня. И моя соседка, женщина, которая пыталась помочь мне в день моего ареста. Что ж, думаю, что ей заплатили за показания против меня. Она солгала. Мне нужно найти доказательства моей невиновности.

— Дженна, ты должна быть осторожной. Я не хочу, чтобы ты пострадала, — Хизер понижает голос до шепота. — По тому, что ты рассказала мне, эти люди очень опасны.

— Поэтому я хочу проверить все без юридической помощи, пока что. Мы можем нанять другого адвоката, когда я получу надежные доказательства. Мне нужно, чтобы ты помогла мне. Я не знаю, кому еще могу доверять.

— Хорошо, — Хизер вытирает слезу. — Я сделаю все, о чем ты меня попросишь. Что у тебя на уме?

— Нам нужно найти доказательства, что он убийца.

Мне не нужно упоминать имя Трэвиса, потому что Хизер уже знает, о ком я говорю. Я много раз называла ей его имя во время суда. Но она о многом не знает. Если она собирается помочь мне, мне придется открыться ей.

Я наклоняюсь вперед и говорю чуть громче шепота.

— Он преследует меня, Хизер. Я здесь не в безопасности.

Зарываюсь руками в волосы.

— Думаю, он планирует убить меня. Я очень напугана.

Хизер закрывает губы руками, а ее глаза расширяются от ужаса.

— О, Боже мой. Ты рассказывала это кому-нибудь, может, начальнице тюрьмы?

— Они мне не верят. Кто-то здесь помогает ему, — я смеюсь с сарказмом. — Когда меня бросили за решетку, я думала, что теряю лишь свободу. Теперь я боюсь лишиться еще и жизни.

Хизер сводит брови вместе, ее лицо темнеет от боли.

— Ты уверена, что ты не...

— Ты думаешь, я сошла с ума, так? — огрызаюсь я, а затем возвращаю самообладание.

— Я ничего не придумываю.

Хизер прикасается к моей руке.

— Я не думаю, что ты сошла с ума, сестренка. Расскажи мне все.

Закрываю глаза.

— Я вижу его повсюду. Он притворяется охранником. Я вижу его в тюремном дворе на прогулке. Иногда, когда я просыпаюсь, я ощущаю в воздухе его одеколон. Он пытается сломать меня.

Не рассказываю Хизер, что Трэвис заходил в яму. Она уже и так сильно переживает за меня.

— Прекрати, — она поднимает руку, выставив ее ладонью ко мне. — Ты серьезно?

— Да. Клянусь, что это правда.

Я смаргиваю слезы.

— Но никто здесь не верит мне, так что они не могут защитить меня.

— Его видел кто-нибудь еще?

Я трясую головой.

— Не думаю. Он достаточно умен, чтобы не попасться. Но опять же, я не имею понятия, как много людей здесь работают на него.

Сжимаю руки вместе.

— Ты же мне веришь?

— Конечно, верю. Меня злит, что ты проходишь через все это одна.

Она моргает, и на ее ресницах повисает капля.

— Нам нужно вытаскивать тебя отсюда, подальше от этого монстра. Я сделаю все.

Сестра отклоняется на стуле, обнимает себя руками.

— Но мы не можем повернуть это в одиночку. Я все еще думаю, что тебе стоит связаться с твоим адвокатом. Может быть, ты ошибаешься, и он один из хороших парней.

— А вдруг нет?

Я сжимаю переносицу.

— Мне стоит тщательно выбирать, кому доверять. Как только у меня будет достаточно доказательств, я свяжусь с адвокатом. Обещаю. Первым делом, нам надо нанять частного детектива. Ты можешь это устроить?

— Сделаю, — Хизер умолкает. — Я люблю тебя, Дженна. Очень люблю. И я сделаю все, чтобы выгнать тебя отсюда.

— Спасибо тебе.

Сглатываю ком в горле.

— Я обещаю, что верну тебе деньги.

Сложно давать обещания из-за решетки, но я не знаю, что еще сказать.

— Давай сейчас не будем об этом. Я приеду на пару дней в Нью-Йорк, и все устрою. Что ты хочешь, чтобы я рассказала частному детективу?

— Дай ему его имя и фото. Уверена, что его лицо мелькает во всех новостях и по всему интернету.

Я облизываю свою пересохшую нижнюю губу.

— Мне нужно, чтобы частный детектив проследил за ним... и узнал его адрес.

Хизер кивает.

— Это все?

— Да! Это все.

Трэвис так много всего украл у меня. Как только я с ним закончу, у него не останется ничего.

— Очевидно, что он унаследует много денег от брата, — говорит Хизер.

— Знаю.

У меня опускаются плечи при мысли, что Трэвис получит деньги брата, которого убил. Меня мало волнует, что наследство Уинстона достанется кому-то другому, мы не были женаты, но меня злит, что оно достанется Трэвису. С таким количеством денег на счетах, он может сотворить много зла.

— Ты в порядке? — спрашивает Хизер.

— Не знаю, буду ли теперь когда-либо в порядке.

Я надеюсь, что наследство Уинстона не будет до конца оформлено, пока я не выйду из тюрьмы. Если Трэвис успеет получить деньги, он использует их, чтобы убедиться, что я никогда не выйду отсюда. Если к тому времени я все еще буду жива.

— Хизер, я не рассказывала тебе еще кое о чем.

— Выкладывай.

Плечи Хизер видимо напрягаются, а на лицо набегают тени.

— Он сделал тебе что-то еще?

— Он был здесь.

Я закрываю лицо руками.

— Да, ты упоминала, что он преследует тебя.

— Знаю, но я действительно имею в виду, что он был здесь, прямо в этой комнате. Он пришел навестить меня в последний визит. В тот день, когда я ждала тебя.

Качаю головой.

— Почему ты не пришла?

Я так увлеклась построением планов, что забыла задать ей этот важный вопрос.

— Не понимаю. О чем ты? — она прикасается к моей руке. — Я приходила с визитом. Я была здесь, а они сказали мне, что тебе не разрешено иметь посетителей.

Она заправляет прядь волос за ухо.

— Я так переживала.

— О, Боже мой.

Когда все встает на свои места, мой мир начинает сходиться с орбиты.

— Он подстроил это, Хизер. Уверена, что он заставил своих людей отправить тебя восвояси, чтобы самому нанести мне визит.

— Это сумасшествие, — Хизер зарывается обеими руками в волосы. — Что он тебе сказал?

— Он был недолго. Думаю, он просто хотел помучить меня. Но хорошо, что он пришел. Я кое-что заметила.

Я рассказываю ей, что видела на верхней губе Трэвиса, и о своих подозрениях.

— Это все меняет, — отвечает она, напряжение уходит с ее лица.

В свете последних новостей, очевидно, что ей стало легче поверить, что Трэвис на самом деле преследует меня.

После ухода Хизер, я чувствую себя намного лучше, до того, как Престон звонит мне, чтобы спросить, передумала ли я насчет того, чтобы он представлял мои интересы. Он заверяет меня, что он готов сделать все, что в его силах, чтобы доказать мою невиновность.

Я говорю ему, что не передумала, но проходит несколько часов, в течение которых я погружена в мысли, и я начинаю сомневаться, что он работает на Трэвиса. Если бы он работал на него, зачем бы он хотел вытащить меня, когда так усердно трудился, чтобы меня посадили?

К концу дня ничего не меняется. Я все еще в смятении.

Глава 15

Я пячусь назад, когда Козлиная бородка врывается в нашу камеру в сопровождении охранника. Пока они переворачивают матрасы и обыскивают наши вещи на предмет контрабанды, нас отводят ждать в комнату отдыха.

Хоть обыски проводят часто, и мне нечего скрывать, у меня колотится сердце, и неважно, сколько глубоких вдохов я делаю, чтобы успокоиться, оно никак не успокаивается. Я не сразу привыкла, что нарушают мое личное пространство.

Пока другие заключенные разговаривают, ожидая, когда нас позовут назад, я смотрю на пустой телевизионный экран.

— Ты выглядишь дерьмово. Ты в порядке?

Саншайн опускается на стул рядом со мной.

— Мне и правда нужно отвечать на этот вопрос?

Она наклоняется вперед.

— Ты же ничего не прячешь, так?

Я бросаю на нее взгляд.

— О чем ты? О контрабанде?

Саншайн пожимает плечами.

— Просто спрашиваю.

— Почему ты вообще об этом подумала?

Она поднимает руки.

— Не психуй, тигрица. Это просто вопрос. Я здесь на твоей стороне.

— Ну, ответ на твой вопрос нет, — вина гложет меня изнутри, и я качаю головой. — Прости, что наехала на тебя. Просто у меня выдался плохой день.

— Не у тебя одной. Я ненавижу обыски. Никогда не знаешь, что они могут...

Она не успевает закончить предложение, как дверь комнаты отдыха распахивается, и внутрь врывается Козлиная бородка. Как только я замечаю, что он несется в мою сторону, у меня в жилах стынет кровь.

— Откуда ты это взяла?

Он подносит маленький, прямоугольный пакет так близко к моему лицу, что мне трудно разглядеть, что это.

— Мы нашли эти таблетки снотворного в твоей подушке. Откуда ты их взяла?

Я с усилием сглатываю, жар поднимается вверх по моей шее.

— Они не мои.

Откуда я могла их взять? И зачем бы стала прятать в камере? Я бы никогда не стала рисковать быть пойманной на контрабанде, в особенности, потому что я знаю, что моим наказанием станет ужасающая яма. После того, что я там пережила, я больше не хочу, чтобы меня там запирали.

— Мы нашли их в твоей подушке, — повторяет он, приближая свое лицо к моему. Его теплое дыхание пахнет беконом. Он недавно позавтракал.

— Я клянусь, что они не мои. Не знаю, кто подложил их туда.

Отклоняю голову, как можно дальше, чтобы его слюна еще раз не попала мне на лицо во время разговора.

— Не смей мне врать.

Он снова выпрямляется и отдает другим охранникам приказ запереть других заключенных, пока он разбирается со мной. Я смотрю, как другие уходят, вероятно, испытывая облегчение, что это не их поймали, и встречаюсь взглядом с растерянными глазами Саншайн как раз перед тем, как ее проводят через двери.

У меня возникает подозрение, что она могла предать меня, укол боли пронзает мою грудь.

Боже, пожалуйста, пусть она не имеет к этому отношения. Я не хочу думать, что моя единственная подруга здесь предала меня. Если не она подложила таблетки мне в подушку, тогда почему перед этим она спросила меня, скрываю ли я что-то?

Как только мы с Козлиной бородкой остаемся в комнате одни, он ставит руки по обе стороны моего стула и снова дышит мне в лицо. Я заставляю себя не отворачиваться.

— Ты же знаешь, что это значит, да?

— Вы не можете отправить меня в яму, — на мои глаза наворачиваются слезы. — Вы не можете наказать меня за то, чего я не делала.

Конечно же, он может. Меня уже не первый раз наказывают за чужие преступления.

Вместо ответа, он просто усмехается, его мясистые пальцы смыкаются на моем предплечье, и он сдергивает меня со стула. Это движение такое резкое, что стул опрокидывается.

— Вы не можете этого сделать, — кричу я, но он игнорирует меня.

В моей голове крутятся две мысли, пока меня тащат в яму, пинающуюся, кричащую и плачущую. Трэвис может ждать меня там внутри, и в этот раз он может убить меня.

В памяти всплывает лицо Саншайн, и меня охватывает сильнейшее чувство вины. Она не имеет к этому отношения. Я чертовски уверена, что Козлиная бородка пробрался в нашу камеру, когда нас не было, и подкинул таблетки. Сегодняшний обыск устроили только ради меня.

Когда мой локоть попадает ему в живот, я хочу сказать ему, что он взяточник и хочу угрожать разоблачить его, но так как я на его милости, я могу подвергнуть себя еще большей угрозе.

— Заткнись, — рычит он, усиливая хватку.

Мы возвращаемся на тускло освещенную лестницу. Я почти спотыкаюсь, пока он тащит меня вниз.

Внизу, он спиной распахивает стальную дверь, крепко держа меня рукой поперек талии. Мы покидаем лестницу, и мне в ноздри бьет запах сырости и плесени. Мы пришли.

Я сопротивляюсь, когда он пытается втолкнуть меня в яму, но он намного сильнее, чем я, так что он побеждает. Он бьет меня между лопаток и толкает с такой силой, что я приземляюсь на задницу. Игнорируя пронзающую меня боль, я карабкаюсь на ноги. Но уже поздно. Дверь захлопывается, и я остаюсь одна в темноте и со своими страхами.

— Выпустите меня.

Я бросаюсь на дверь, вытираю слезы и пот с глаз. Мой голос такой тихий и надломленный, что снаружи его не услышать.

Уставшая и отчаявшаяся, я скольжу вниз по двери и оседаю на пол. Я не двигаюсь, прислушиваюсь к своему грохочущему сердцу... и чему-то еще.

У меня перехватывает дыхание, когда я слышу звук чье-то дыхания. Это он. Я уже почувяла запах его одеколona.

Я подтягиваю колени к груди, по моей спине прокатывается волна дрожи. Я знала, что он вернется. Я боюсь лишь того, в каком состоянии я буду после его ухода. Трупом?

Поднимаю взгляд, когда тьму прогоняет мягкий свет. Он на койке с большой свечой в руке, вероятно, электрической.

— Привет, Дженна. Почему ты так удивлена видеть меня? Ты знала, что я вернусь, так?

— Отстань от меня, — хриплю я, пытаюсь ползти к двери.

Я так ослабла, что мои колени подгибаются, когда я пытаюсь встать на ноги. Я падаю обратно.

Все еще отчаянно желая сбежать, я сильнее вжимаюсь в холодную дверь, хоть и знаю, что мне не уйти, нет, пока он не закончит со мной.

— Ты так чертовски сексуальна, когда боишься. У меня сразу встает.

Он ставит свечу у своих ног, широко разводит ноги и кладет руку на пах. Большой сукин сын.

— Пожалуйста... пожалуйста, не надо, — я подавляю всхлип. — Не причиняй мне боль.

— Не бойся, не причиню. Не сейчас.

Мужчина проводит рукой вниз по своему бедру.

— Думаю, сначала мы немного повеселимся вместе.

— Ты болен, — мне сложно произнести эти слова, потому что у меня сдавило горло. —

Ты отвратителен.

— Нет, сладкая. Я не болен. У меня есть все права быть здесь, забрать то, что принадлежит мне. Ты принадлежишь мне. Все, что когда-то принадлежало Уинстону, теперь принадлежит мне.

Глава 16

— Нет.

Я мотаю головой из стороны в сторону, по моим щекам бегут слезы. Затем я делаю вдох и ощущаю еще один запах, от которого у меня сжимается все внутри. Я сосредотачиваю

взгляд на белой сумке под койкой.

— Думаю, кое-кого нужно покормить.

Трэвис улыбается и тянется к сумке. Он достает две коробки с едой на вынос.

— Надеюсь, тебе нравится китайская еда. Я подумал отдать это тебе позже, но кто сказал, что ты не можешь съесть это на завтрак? Правила для того и придуманы, чтобы их нарушать.

Я проглатываю слюну. Я не знаю, откуда он знает, что я люблю китайскую еду. Не важно. Я с вызовом поднимаю подбородок и отворачиваюсь от манящей меня еды. Я поворачиваюсь к двери и с силой стучу по ней.

— Я в опасности, — кричу я. — Пожалуйста, выпустите меня.

— Не сотрясай воздух. Мой человек будет охранять дверь следующие двадцать четыре часа. Ты никуда отсюда не выйдешь.

Будучи невозмутимым, он вскользь отправляет коробку с едой на вынос в моем направлении. Она останавливается в нескольких дюймах от того места, где я сижу. Следом за едой в мою сторону скользит маленькая бутылка «Спрайта», подкатывается прямо ко мне и холодит мне ногу.

— Я хотел немного тебя побаловать. Как мне кажется, еда здесь не очень.

Я опускаю взгляд на еду и напиток. Я всерьез испытываю соблазн принять их. Но еще я боюсь. Что, если это уловка? Что, если он хочет дать мне их попробовать, а затем заберет их у меня, чтобы помучить?

Но, Боже, я так давно вкусно не ела. Мои пальцы подергиваются от желания схватить еду, а желудок жалуется еще громче.

— Давай, смелее. Оно твое.

Он отклоняется назад, скрестив руки.

Я мучительно отрываю взгляд от еды.

— Что ты планируешь со мной делать?

— Как я уже говорил, я хочу, чтобы мы вместе немного повеселились. Если ты понимаешь, о чем я. Обещаю, что тебе понравится так же, как и мне.

— Никогда, — выпаливаю я. — Я не позволю тебе прикоснуться ко мне.

— Посмотрим. Многое может измениться за двадцать четыре часа, — он делает паузу. — Просто расслабься и поешь. Я предлагаю тебе то, что ты еще очень долго не получишь... если вообще получишь. Почему не воспользоваться шансом? Твои дни сочтены. Наслаждайся каждой секундой.

Его слова бьют меня, как удар молнии.

— Ты убьешь меня?

Сжимаю руки в кулаки.

— Ты действительно думаешь, что убийство сойдет тебе с рук во второй раз?

— После того, как я вышиб мозги Уинстону, я кое-что пообещал ему, — Трэвис потягивает руки за спиной. — Я пообещал ему, что повеселюсь с тобой, а затем отправлю тебя на тот свет к нему. Я человек, который выполняет обещания.

— Ты не... тебе это не сойдет с рук. Ты заслуживаешь место в аду и однажды туда попадешь.

— Да, ладно, Дженна, зачем все усложнять? Я на самом деле оказываю тебе здесь услугу. Убив, я освобождаю тебя. Или ты предпочтешь гнить в тюрьме?

Я не знаю, как он собирается убить меня и выйти сухим из воды. Но опять же, он член

одного из самых смертоносных клубов, о которых я слышала. Ему сойдет с рук, что угодно.

Он встает с койки и подходит ко мне. Я сжимаюсь в комок, стараясь быть от него как можно дальше. Он берет коробку с едой и открывает ее. Возвращается к койке и вынимает из упаковки пластиковую вилку, а затем подходит и садится рядом со мной на корточки.

У меня текут слюнки, когда он подхватывает, аппетитно выглядящую, лапшу и подносит ее к моему рту, едва касается ей моих губ. Запах сводит меня с ума от голода. Так сильно сводит с ума, что мой язык высовывается изо рта и облизывает кисло-сладкий соус с моих губ.

Я ненавижу себя за слабость, но уже выхватываю из его рук вилку.

— Хорошая девочка.

Он встает и возвращается к койке, берет в руки вторую коробку.

— Я разрешаю тебе наслаждаться каждым кусочком.

Я слишком занята набиванием рта лапшой и курицей, чтобы отвечать. Я ем быстро, чтобы он не передумал и не отобрал еду. Если я застряла здесь с ним на двадцать четыре часа, мне нужно топливо. Пока я ем, стараюсь не встречаться глазами с монстром.

Только, когда еда заканчивается, я открываю бутылку «Спрайта» и делаю большие глотки прохладного, сладкого напитка. Он такой вкусный, что мне хочется плакать.

— Надеюсь, ты насладились пищей. Я купил ее в одном из самых дорогих китайских ресторанчиков в городе.

Трэвис опускает свою коробку на пол вместе с сумкой.

— А теперь время десерта.

Я обнимаю ноги руками и кладу подбородок на колени, будто смогу так защититься. Еда, которую я только что съела, грозит вернуться обратно, но я подавляю спазм.

Он встает с койки и подходит ко мне с протянутой рукой. Когда я не принимаю ее, он садится рядом со мной. Я пытаюсь отодвинуться, но он кладет руку мне на бедро, чтобы удержать меня на месте.

— Ты не хочешь этого делать. Но это произойдет. Лучшее, что ты можешь сделать, смириться.

Он переплетает свои пальцы с моими, пока я дрожу от страха. *Как я смогу сбежать от него? Но как я могу не пытаться?*

Я вырываю свою руку и пытаюсь встать на ноги, но моя голова кажется одурманенной, а зрение начинает плыть. Я чувствую себя так, будто вот-вот упаду в обморок.

— Работает, — говорит он, на его лице расплывается большая улыбка.

— Что? — спрашиваю я, пот начинает застилать мне глаза.

Что-то не так. Когда его улыбка становится шире, на задворках моего сознания появляется тревожная мысль.

— Что ты сделал?

Мой язык распух у меня во рту, я, пошатываясь, иду к койке. Мне очень хочется прилечь.

Как я могла быть такой глупой? Ублюдок накачал меня наркотиками.

— Я сделал то, что должен был, чтобы расслабить тебя.

Он встает и подходит к койке.

— Нет, — произношу я, когда он начинает расстегивать мою кофту. Но я так слаба, что не могу с ним бороться. Я пытаюсь оттолкнуть его, но моя рука продолжает раз за разом опадать.

Пользуясь моей слабостью, он запускает руку мне в волосы и прикладывает своими губами к моим, его язык скользит мне в рот, движется напротив моего. Я не могу отстраниться, не могу ничего сделать. Я не контролирую собственное тело.

— Я обещаю, что тебе будет хорошо.

Он не спеша снимает с меня кофту, отбрасывает в сторону все, что стоит между нами.

Мой разум встревожен, кричит ему остановиться, но мое тело не способно сопротивляться. Теперь его руки повсюду на мне, как и его губы.

— Скоро ты будешь моей, — произносит он после каждого ядовитого поцелуя на моей коже.

С моих губ срывается полузадушенный звук, но ни одного слова.

Теперь он тянет мои штаны вниз, чтобы забрать то, что он думает, принадлежит ему, а я слишком одурманена, чтобы что-то сделать по этому поводу.

— Скоро все кончится, — шепчет он мне в ухо, а затем прикусывает мою мочку.

Я слышу звук молнии. Когда он опускает мои штаны ниже, во мне что-то меняется. Я больше не чувствую себя плохо. Теперь я чувствую себя так, будто лечу, плыву. Что бы он не дал мне, оно вдруг делает меня живой, но в очень странном ключе.

Что, черт возьми, он дал мне? Почему его прикосновения больше не вызывают во мне отвращения? Почему его поцелуи от моего пупка и до моей шеи ощущаются, до странного, приятными? Почему я держусь за него вместо того, чтобы отталкивать его?

Я дрожу от желания, когда он проходится поцелуями вниз по моему телу.

— Ты прекрасна, — шепчет он. — У моего брата был хороший вкус.

Он целует мою грудь, а руку использует, чтобы раздвинуть мне ноги. Сквозь затуманенное зрение, я наблюдаю, как он снимает собственные штаны.

Слышится шум фольги, а затем он оказывается на мне сверху. Я ахаю, когда он вонзается в меня. Ощущение того, как он растягивает меня изнутри, до ужаса приятно.

Я царапаю его спину, пока он раскачивается, медленно, затем быстрее. Он вонзается глубже, удлиняясь и становясь еще тверже внутри меня. Мне дурно от того, что мужчина, которого я ненавижу, заставляет меня почувствовать себя цельной.

— Вот видишь, — говорит он, задыхаясь. — Я знал, что тебе понравится.

В ответ я стону. Ничего не могу поделать. Мне давно не было так хорошо.

Где-то в моей голове звенят тревожные колокольчики. Я знаю, что то, что происходит, неправильно, но мое тело предает меня. Я ощущаю себя так, будто нахожусь в чужом теле.

Он берет меня за бедра, наполовину выходит из меня, а затем снова погружается в меня.

— Вот так, детка. Ты хорошо справляешься. Принимаешь меня целиком.

Его голос хриплый от похоти.

— Твоя киска такая мокрая для меня.

Я непроизвольно сжимаюсь вокруг него, мои внутренние мышцы не хотят его выпускать. Я в некой эйфории, взмываю к высотам, на которых еще не была. Я даже не уверена, хочу ли возвращаться на землю.

И все же, тревожные колокольчики в моей голове становятся громче с каждым толчком. Но как я могу спастись от него? Как я могу прекратить это?

Мои пальцы впиваются в его рубашку, а ногти в его кожу. Он воет, но не останавливается.

Он громко шлепает меня рукой по ягодице.

— Тебе нравится по жестче, да? — он смеется. — Как и мне, детка.

Мужчина зажимает мне губы и нос рукой, продолжая таранить меня. Вены на его шее вздуваются на покрытой потом коже.

Мои глаза расширяются от шока, когда я возвращаюсь в реальность. Все приятные ощущения, которые он пробудил во мне, сразу же сменяются паникой. Мое тело все еще сильно одурманено, чтобы я могла сопротивляться, но я стараюсь, как могу. Я плачу, разрывающие душу рыдания сотрясают мое тело.

— Посмотри мне в глаза, — рычит он. — Я хочу кончить от твоих слез.

Мои легкие кричат, требуя кислорода, которого он их лишил. У меня снова дежавю. В своей голове, я снова в своей квартире, сражаюсь за свою жизнь, пока Уинстон душил меня. Я не могу поверить, что я выжила только лишь для того, чтобы умереть от рук его брата близнеца. В этот раз мне не спастись. Трэвис никогда не допустит ту же ошибку, что и его брат. Он слишком многим рискует, а еще он профессиональный убийца. С таким же успехом я могу перестать сопротивляться и смириться. Но сдаваться слишком больно.

— Да, да, да.

Он толкается в меня еще пару раз, затем замирает и кончает.

— Теперь ты моя, Дженна. Ты вся моя.

Я перестаю бороться. Мои глаза по себе закрываются. Тьма быстро приближается.

Издали, я слышу звонок телефона.

— Бл*ть, — ругается он и выходит из меня, его рука покидает мой нос и рот.

Я жадно ловлю воздух, кашляю и глотаю кислород, пот сочится из каждой поры на моем теле. Хотя теперь я свободна от него, у меня все еще нет сил двигаться. Наркотик все еще силен в моем теле, и он делает меня сонной. Но я борюсь. Я борюсь за то, чтобы держать глаза открытыми.

— Что, бл*ть, значит, что я должен выйти?

Трэвис запускает руку в волосы.

— Я сказал тебе дать мне двадцать четыре часа.

Он слушает ответ, а затем бросает свой телефон на койку. В лихорадочной спешке, он застегивает свои штаны, одевает меня и хватает все, что он принес мне. А затем идет к двери.

Он поворачивается, чтобы посмотреть на меня, лежащую на койке без движения.

— Спасибо за трах. В следующий раз я освобожу тебя.

Я только моргаю, так как у меня нет сил говорить или делать что-либо еще.

Он стучит в дверь, и она открывается.

— Прости, парень, — слышу я, как произносит Козлиная борода. — Надзирательница проводит новым охранникам экскурсию по тюрьме. Она может...

Дверь закрывается до того, как я услышу что-либо еще, тьма возвращается в комнату.

Слезы облегчения текут из уголков моих глаз незадолго до того, как меня охватывает сон. Красный мигающий свет в углу комнаты — последнее, что я вижу перед тем, как отключаюсь.

Глава 17

Я шевелюсь, но мои веки слишком тяжелые, чтобы я могла открыть глаза.

— Она просыпается.

Я не узнаю женский голос. Уже готовлюсь заставить себя открыть глаза, когда слышу другой голос, знакомый. Я замираю и прислушиваюсь.

— Хорошо. Я хочу, чтобы она встала на ноги к завтрашнему утру. Мне нужно, чтобы она

вернулась в камеру.

— Не думаю, что это хорошая идея.

— Организуй это, Лейла. И никому об этом не проговоришь, — предупреждает Козлиная бородка.

— Когда я получу свои деньги? — спрашивает женщина. — Я рискую работой.

— Как только он мне заплатит.

— Когда? — твердым голосом спрашивает женщина.

— Завтра, хорошо? — отвечает Козлиная бородка жестким тоном. — Почему она не просыпается?

Я даю им то, чего они хотят. Я заставляю себя открыть глаза. Я чувствую себя так, будто мое тело парит над койкой. Яркий свет причиняет боль глазам. Я здесь и в то же время не здесь.

На моих глазах слезы. *Я плакала во сне?*

Пока они смотрят на меня широко распахнутыми глазами, гадая, слышала ли я их разговор, я вспоминаю, что произошло, каждую мрачную деталь того, что Трэвис сотворил со мной. Все возвращается, затопляет мой разум, оставляет меня немой от шока.

Когда я пытаюсь пошевелиться, понимаю, что одна из моих рук прикована к койке, на которой я лежу. Я все еще в яме, но главный свет горит, и я накрыта одеялом.

— Как ты себя чувствуешь, Дженна? — спрашивает женщина, присев на корточки, чтобы быть со мной на одном уровне. У нее вьющиеся волосы цвета вороного крыла, а на ресницах слишком много туши. Я узнаю в ней одну из медсестер из лазарета.

У меня сжимается желудок, рвота поднимается вверх по горлу. Я хватаюсь за живот.

— Меня сейчас стошнит.

Она достает красное ведерко и помогает мне в него попасть. Ко рвоте, что уже в ведерке добавляется новая.

— Лучше? — спрашивает Лейла, когда я заканчиваю.

Я ложусь, не отвечая. Испытываю отвращение, и меня тошнит от себя самой. Но, может быть, мне стоит быть благодарной, что я не мертва. План Трэвиса не сработал.

Но я не сомневаюсь, что он вернется, чтобы закончить начатое. И я не думаю, что в следующий раз мне так повезет.

Мне нужно кому-то рассказать. По тому, что я слышала перед тем, как открыть глаза, Лейла колеблется помочь ли Козлиной бородке. Может быть, я смогу переманить ее на свою сторону.

— Я вернусь, — говорит Козлиная бородка. Он приковывает Лейлу взглядом. — Не натвори глупостей.

Он покидает яму, закрывая за собой дверь.

— Как ты себя чувствуешь на самом деле, Дженна?

— Напуганной.

Я пытаюсь сесть, но я еще недостаточно сильна, и у меня кружится голова от того, что Трэвис дал мне. Я сглатываю пересохшим горлом.

— Он был здесь. Он накачал меня наркотиками и изнасиловал. Пожалуйста, помогите... Помогите мне.

Лейла долго молчит, а затем распрямляет плечи.

— Нет, Дженна. Здесь с тобой никого не было. У тебя передозировка снотворных.

— Снотворных? — я выдавливаю смешок. — Так он сказал вам говорить. Правда в том,

что Стор работает на опасного человека, за преступление которого я наказана. Его зовут Трэвис Слейд, и...

— Нет, — резко произносит Лейла. — У тебя передозировка, а Стор покрывает тебя.

— Нет.

Я мотаю головой.

— Он прикрывает собственную задницу. Меня накачали наркотиками и изнасиловали в тюрьме, а он все это организовал. Ему это не сойдет с рук, как и вам.

Я отворачиваю от нее лицо и сворачиваюсь в клубок. Я все еще ощущаю внутри себя член Трэвиса.

— Я хочу увидеться с врачом. Мне плохо.

В моем мозгу зарождается ужасная мысль, поражающая меня до глубины души. Что, если Трэвис не использовал презерватив, и я окажусь беременна. Я вроде бы помню, как он шелестел оберткой, но не могу быть уверена, раз я была под наркотой.

— Врач уже приходила осмотреть тебя, пока ты была без сознания. Мы сделали тебе промывание желудка. Больше она ничего не может сделать. Теперь отдыхай. Завтра утром, тебя вернут в камеру.

Я знаю, что она лжет, но как мне это доказать?

— Вы должны поверить мне. Я не...

Увлажняю губы. Мой язык ощущается распухшим и сухим у меня во рту, но питье не так важно, как убедить эту женщину помочь мне. Это не так важно, как борьба за мою жизнь.

— Вы должны сообщить начальнице тюрьмы.

— Дженна, в твоей подушке нашли снотворное. Вероятно, ты пронесла его с собой в тюрьму. Если начальница тюрьмы узнает о твоей передозировке, тебя переведут в Блок Е. Ты этого хочешь? Мы пытаемся помочь тебе.

Я снова поворачиваюсь к ней лицом с настороженностью.

— Это был Стор. Он подложил таблетки в мою подушку. Он хотел притащить меня сюда, чтобы Трэвис изнасиловал меня. Он собирался убить меня, когда...

Слезы душат меня, заглушая слова.

Лейла отворачивает от меня взгляд, как раз тогда, когда Козлиная бородка входит в яму. Он просит Лейлу уйти, и она уносится из помещения, как будто ее кто-то преследует.

Козлиная бородка подходит к койке и просто стоит там со скрещенными руками.

— Тоже хочешь меня изнасиловать?

Моя речь смазана.

— Того, о чем ты думаешь, никогда не было.

Он показывает на свой висок.

— Это все в твоей голове. Если ты кому-нибудь расскажешь, они подумают, что ты сошла с ума, и я удостоверюсь, что ты окажешься среди таких же, как ты.

— Сколько Трэвис платит тебе? — спрашиваю я прямо. — Сколько бы ни платил, ты все потеряешь, когда я тебя разоблачу. Я удостоверюсь, что ты отправишься в тюрьму.

— Следи за своим языком, сука.

Он крепко хватает меня за подбородок, а затем грубо отпускает.

— Тебе бы не хотелось вывести меня из себя.

Он остается со мной в яме еще на пару минут, но ни один из нас не говорит. Я должна быть осторожна. Я одна в комнате с мужчиной, который может быть таким же опасным, как и Трэвис. На сегодня с меня хватит.

Через какое-то время он уходит. Лейла пару раз приходит проверить меня. Затем утром, я возвращаюсь в камеру. Единственная, кто рад меня видеть, это Саншайн. Как только у нас выдается пара минут наедине в тюремном дворе, я рассказываю ей все.

— Ублюдки, — говорит она, сжимая и разжимая кулаки. — Я сделаю все, чтобы помочь тебе отплатить им. Просто скажи, что мне делать.

— Скажу, — отвечаю я. — Я жду кое-какую информацию.

— Какую информацию?

Она оглядывается.

— Адрес, — отвечаю я.

— Ясно.

Саншайн подмигивает. Мне не нужно объяснять. Она читает все между строк.

— Ну, ты знаешь, где меня найти.

Я дарю ей слабую улыбку.

— Да, знаю. Спасибо тебе.

Мой план заключается в том, что как только я узнаю адрес Трэвиса, я пошлю туда брата Саншайн в надежде, что он найдет какое-нибудь инкриминирующее доказательство против Трэвиса, что-то, что поможет доказать его вину и мою невиновность.

Глава 18

Трэвис

В полночь, моя голова разрывается от ярости, я рывком открываю холодильник и хватаю за горлышко бутылку дорогого шампанского. Мои пальцы плотно сжимаются вокруг него, но шампанское задерживается в моих руках ненадолго.

Я швыряю бутылку в кухонную стену, стекло разбивается на осколки. Один острый осколок задевает меня над глазом. Я даже не вздрагиваю. Я слишком зол, чтобы чувствовать боль.

Потратил на чертово шампанское пару сотен долларов, чтобы отпраздновать.

Я все так хорошо спланировал. Думал, что все сработает. Глупый охранник пообещал мне, что так и будет.

Но вместо этого, мои планы полетели коту под хвост. Все разваливается на части, и я не знаю, как остановить это. Я должен был трахнуть ее, заявить на нее права, но ее смерть стала бы конечным итогом.

У меня звенит телефон, но я не беру трубку. Я знаю, кто это.

Я уже много дней избегаю Уолтера. Его выводит из себя, когда не отвечают на его звонки и не перезванивают. По тону его голоса в последнем голосовом сообщении, в котором он требовал, чтобы я перезвонил, я заподозрил, что он знает, что я делаю за его спиной.

Меня омывает волна облегчения, когда телефон перестает звонить, но как только я бросаю его в карман и выхожу из кухни, раздаётся звонок в дверь.

От моего лица отливает кровь, когда я подхожу к входной двери и смотрю в глазок.

Это он.

— Я знаю, что ты там, Трэвис. Открой бл*дскую дверь.

— Бл*ть.

Я запускаю руки в волосы и пячусь назад, не зная, что делать. Тот факт, что он пришел увидеться со мной лично, означает, что я в глубоком дерьме.

Уолтер не тот человек, которого можно проигнорировать и от которого можно уйти.

Я собираюсь с мыслями и рывком распахиваю дверь, готовый принять на себя его ярость.

Уолтер быстро заходит внутрь и захлопывает дверь. Он одет в смокинг. Его шрам от ожога блестит так, словно его отполировали до блеска. Должно быть он куда-то собирается.

— Что, бл*ть, ты затеял?

По его глазам, я понимаю, что он уже знает ответ.

Нет смысла отрицать, но я решаю закинуть удочку, посмотреть, как много он знает.

— Не знаю, о чем ты.

Я скрещиваю руки на груди.

— Не морочь мне голову, Трэвис Слейд. Я знаю, что ты устроил в той тюрьме, хоть я специально сказал тебе залечь на дно.

— Кто... кто тебе это рассказал?

— Ты уже должен был понять, что у меня есть глаза и уши повсюду, даже за решеткой.

— Отлично.

Я вскидываю руки, а затем позволяю им упасть по бокам.

— Прости, что не рассказал тебе. Я не хотел вовлекать тебя, потому что это личное.

Просто я с ней не закончил.

— Проклятье, Трэвис. Что, бл*ть, с тобой не так? Мы посадили ее за решетку. А теперь ты все портишь.

Я потираю лицо.

— Я ничего не порчу. Я был... осторожен.

— Недостаточно осторожен, придурок, — говорит Уолтер ледяным тоном.

— Ладно.

Я взмахиваю руками.

— Обещаю быть более осторожным. Это ты хочешь услышать?

— Не совсем. Я хочу знать, каковы твои планы. Что ты намереваешься с ней делать? — он делает паузу. — Почему ты так одержим ей? Я попросил тебя на какое-то время залечь на дно. После того, как все уляжется, ты можешь играть в свои большие фантазии с любой девушкой по твоему выбору. Но вместо этого, ты не повинуешься мне.

— Дело не просто в женщине. А в Дженне.

Я сжимаю зубы.

— Она была невестой моего брата. Моего брата, которого с рождения предпочли мне.

Уинстон забрал у меня все. Он украл мою жизнь.

— И теперь ты хочешь забрать все, что когда-то принадлежало ему?

Уолтер усмехается.

— Послушай меня. Позволять своим эмоциям управлять тобой опасно. Мы не попадаемся по той причине, что чертовски осторожны. Мы не руководствуемся эмоциями. А теперь ты ставишь весь мой проклятый бизнес под удар.

Я падаю на диван.

— О чем ты? Ты хочешь, чтобы я отошел от дел? Ты пришел сюда, чтобы сказать мне это?

— Я даю тебе последний шанс покончить со всем этим безумием.

Уолтер показывает на меня дрожащим пальцем.

— Я предупреждаю тебя, Трэвис. Если ты продолжишь косячить за моей спиной, ты не

только отойдешь от дел, но и отойдешь в мир иной.

— Не говори так.

Я запускаю руку в волосы.

— Мы как братья, Уолт. Мы прошли долгий путь. Весь путь с того проклятого приюта.

— Не смей говорить мне о братстве. Ты убил своего родного брата.

Я качаю головой.

— Ты попросил меня это сделать.

— Только потому, что я знал, что ты так поступишь. Я по твоим глазам видел, что ты ненавидишь его.

Он прочищает горло и поправляет свой галстук-бабочку.

— Если ты не уберешь за собой беспорядок, я вернусь и всажу пулю тебе в голову.

У меня стынет кровь, когда он достает пистолет и наставляет на меня.

— Не заставляй меня избавляться от тебя.

С этими словами, он покидает мою квартиру, и я медленно выдыхаю. Затем встаю на ноги и достаю телефон. Какое-то время просто держу его в руке, гадая, что предпринять. Затем делаю звонок.

Стор берет трубку с пятого гудка. К тому времени, как раздается его голос, я уже закипаю. Пока я избегал Уолтера, охранник избегал меня.

— Я пытался дозвониться весь день. Почему ты не брал трубку и не перезванивал?

— Я должен быть осторожным. Вчера мы почти попались. Нам повезло, что начальница тюрьмы не посчитала необходимым показывать новым охранникам яму.

— Стор, мне нужно забыть о том, что произошло вчера, и закончить чертову работу.

— Закончить работу? О чем ты?

— Ты меня слышал, — говорю я. — Я хочу покончить со всем. Закончить работу, которую я начал.

— Нет, я не могу этого сделать. Я...

— Хватит еб*ть мне мозг, Стор. Мне нужно, чтобы ты сделал, как я скажу. Я хорошо заплачу тебе за это.

Я знаю, что Уолтер хочет, чтобы я оставил Дженну в покое, но после всего, что произошло, я сомневаюсь, что она будет держать рот на замке. Рано или поздно, она разоблачит меня, и мы поменяемся местами.

— Ни за что, — отвечает Стор, нервно смеясь. — Почему бы тебе не вернуться и не закончить все самому? Такой была сделка. Ты платишь мне лишь за то, чтобы я прикрывал тебя.

Он прав. Я ничего так не хочу, как закончить работу самому, наблюдать за тем, как жизнь Дженны покидает ее тело. Меня злит, что я не почувствую прилив адреналина, растекающегося по моим венам. Но, если я вернусь туда, высоки шансы, что меня арестуют. Насколько я знаю, Дженна уже рассказала кому-то о том, что происходит.

— Послушай, все не так, как я планировал. Теперь нам придется поменять стратегию. Я удвою сумму, которую плачу тебе.

— Мне не понадобятся деньги, если меня поймают, — Стор делает паузу. — Нет, я не могу этого сделать. У меня есть семья.

— Да, уверен, что твоя жена будет рада услышать, что ты не смог удержать свой член в штанах. И что у тебя есть ребенок от другой женщины. Если она узнает, у тебя больше не будет семьи.

Я перемещаю телефон к другому уху.

— А еще у тебя не будет работы, как только твой босс узнает о твоём небольшом тайном бизнесе.

На линии повисает молчание.

— Как ты узнал о...

— О твоей телке на стороне? Я знаю о тебе все, и я не боюсь поделиться этой информацией с нужными людьми.

— Не делай этого. Я сделаю все, что ты скажешь. Но не проси меня убить ее.

— Отлично, трусливая ты сволочь, — кричу я. — Прекрати свое бл*дское нытье. Я приду и сделаю все сам, но в этот раз я не хочу, чтобы меня потревожили, или будут последствия. Тебе все ясно?

Я знаю, что, если надавлю на него слишком сильно, он может пойти против меня. Но я понял, что вселять в кого-то страх — лучший способ заставить сделать что-либо.

— Позвоню тебе, когда на горизонте будет все чисто. Начальница тюрьмы на следующей неделе всю неделю выходная. Может быть, мы можем устроить все тогда.

— Хорошо. В этот раз не облажайся.

Все кончено. Дженна будет мертва к концу следующей недели. Затем я, наконец, начну жизнь, о которой всегда мечтал.

Я вешаю трубку, хватаю другую бутылку шампанского из холодильника и ключи от машины, а затем еду к могиле Уинстона. Мне нужно снова почувствовать себя живым. Последнее время я часто его навещаю, но никогда так поздно.

Добираюсь туда за несколько минут до часа ночи, сажусь рядом с его могилой. Используя штопор, я вынимаю пробку и бросаю ее поверх цветов, украшающих могилу. Делаю большой глоток прохладного шампанского и вздыхаю.

— Привет, братец. Я просто пришел, чтобы сообщить тебе, что все почти кончено. К этому времени на следующей неделе, Дженна будет мертва.

Я делаю еще глоток.

— Кстати, я оттрахал ее, и ей понравился каждый мой сантиметр. Теперь, когда она подпорченный товар, то мне больше не нужна.

Поднимаю бутылку над его могилой и наклоняю ее.

— Я подумал, что ты захочешь отпраздновать со мной.

Когда шампанское попадает на цветы, я не могу сдержать смеха, рвущегося у меня из груди.

Когда алкоголь заканчивается, а смех погибает, я поднимаюсь с земли и возвращаюсь в машину. В следующий свой визит к Уинстону, я расскажу ему, что Дженна мертва. Еще это будет последний раз, когда я навещаю его могилу.

Глава 19

Дженна

Как только отключают свет, я натягиваю на голову простынь и поворачиваюсь спиной к другим. Никогда нельзя быть слишком осторожной.

Я достаю свои инструменты из-под подушки, включая длинный, тонкий гвоздь, который дала мне Саншайн, и приступаю к работе по созданию заточки. Саншайн ранее объяснила мне, как ее сделать. Мое оружие будет достаточно маленьким, чтобы его можно было спрятать, но смертельным. Еще у меня будут серьезные проблемы, если меня с ним

поймают. Но ходить невооруженной для меня еще опаснее.

Трэвис вернется, я в этом уверена. Когда он придет, я больше не буду той женщиной, которую он видел в последний раз, беспомощной и сломленной. Вместо того, чтобы полностью меня сломать, он придумал мне желания сражаться. Он помог мне заглянуть в себя и обрести внутреннюю силу. Если он убьет меня, я удостоверюсь, что осталось достаточно доказательств, чтобы посадить его за мое убийство.

Я стараюсь быть аккуратной в темноте, чтобы все не испортить. Оборачиваю лентой нижнюю часть металлического стержня.

Колесики моего плана уже пришли в движение. Когда я вчера поговорила с Хизер, я не рассказала ей о произошедшем. Нет нужды пугать ее. Но пока мы говорили, она вставила в разговор несколько случайных слов и чисел, которые я поначалу не поняла, но все равно запомнила. Затем до меня дошло, что она назвала мне адрес Трэвиса. Звонки здесь записываются. Она не хотела, чтобы кто-то понял, что мы задумали. После разговора я испытала прилив надежды, стала держать ее слова в голове, как будто они были путеводной нитью, которой они и являются.

Как только мое оружие готово, я засовываю его в небольшое отверстие, которое я проделала сбоку на матрасе. Позже мне нужно найти способ хранить его на теле. Первым делом, мне в голову приходит мысль, что я могу хранить оружие между грудей. Будет неудобно, но какой выбор у меня есть?

После создания заточки, мое настроение чуть улучшается, но я все еще не могу уснуть. Я лежу в темноте на спине, прислушиваясь к звукам ночи. Мои мысли продолжают возвращаться к тому, почему Трэвис еще не вернулся, прошла уже неделя. И в тюремном дворе я его тоже не видела.

Но опять же, я едва ли выхожу, предпочитая проводить большую часть времени в камере, где я ощущаю себя чуть в большей безопасности, и где я провожу время продумывая всевозможные сценарии того, что может произойти, когда он вернется, и что я могу сделать, чтобы защитить себя. Иногда, Саншайн остается в камере со мной.

Мы стали довольно близки, особенно после того, как я открылась ей о том, что произошло со мной в яме. И когда кто-нибудь как-то пытается навредить мне, она превращается в мой щит. Хотя она и маленькая женщина, но никто не осмеливается переходить ей дорогу. Если бы только она могла защитить меня от величайшей угрозы из всех.

Я, наконец, проваливаюсь в беспокойный сон и просыпаюсь радостная перед встречей с Хизер. Хотя она уже назвала мне по телефону адрес Трэвиса, и я передала его Саншайн, мне согревает сердце находиться рядом с тем, кто любит меня.

По телефону, она также сказала, что мои родители вернулись в Нью-Йорк на две недели, и что они придут ко мне с визитом следующими. Хотя моя мать расстроила меня в прошлый раз, когда прямо не заявила, что верит в мою невиновность, я больше на нее не сержусь. Со всеми уликами против меня, кто не считает меня виновной?

Во время завтрака и за работой, я бросаю взгляды на медленно идущие часы. Я очень рада предстоящей встрече с сестрой, но в то же время я боюсь, что вместо нее, поджидать меня будет Трэвис. Я не знаю смогу ли в этот раз сохранить самообладание. Как мне не сойти с ума от ярости?

То, что он делал со мной, все еще проигрывается в моем уме без остановки. Я стараюсь изо всех сил контролировать свои эмоции по той причине, что не хочу, чтобы меня

окрестили сумасшедшей и отправили в место, которое все здесь называют дурдомом.

Наконец, приходит время посещения, и я испытываю облегчение, когда вижу, что меня ждет Хизер, а не этот монстр. Я сажусь напротив нее, и она дарит мне нервную улыбку.

Но еще я испытываю облегчение от того, что, как и Трэвиса, я давно не вижу рядом Козлиную бородку. Сегодня его даже нет среди тех, кто наблюдает за посещениями. Я надеюсь, что ни один из присутствующих здесь охранников не работает на Трэвиса.

— Как держишься, сестренка? — спрашивает Хизер, наклоняясь вперед. — Ты в порядке?

— Пытаюсь держаться.

Хотела бы я рассказать ей, что произошло в яме, но не могу. Я не хочу пугать ее. Еще нас может кто-нибудь слушать. Сейчас на кону слишком много.

— Спасибо, что пришла, сестра.

— Не надо благодарить меня.

Она качает головой. Ее волосы выглядят спутанными, будто она несколько дней не расчесывалась.

— Я твоя сестра. Я никуда не денусь.

Я сдерживаю слезы.

— Все равно, спасибо. Как и за все остальное.

Хизер заглядывает мне за плечо, а затем наклоняется вперед.

— Ты хорошо меня слышала по телефону? Просто связь была ужасной. Если тебе нужно, чтобы я...

Я трясу головой.

— Нет, я отлично тебя расслышала.

Хорошо, что у меня отличная память. Как только я завершила разговор с Хизер, записала адрес на клочке бумаги.

— Хорошо, — Хизер кивает. — Я могу еще что-нибудь сделать?

— Нет. Ты сделала достаточно. Дальше я сама.

Последнее, что мне нужно, чтобы моя сестра попала под перекрестный огонь. Если Трэвис узнает, что она помогает мне, она может оказаться в опасности. Я не хочу, чтобы мы обе стали его жертвами.

— Пожалуйста, будь осторожна, — шепчет она, и я обещаю ей это.

Между нами повисает молчание, ни одна из нас не способна сказать то, что успокоит другую.

Наконец, Хизер прочищает горло.

— Твой адвокат звонил мне.

— Престон? Зачем? Он больше не мой адвокат.

— Да, он так и сказал. Но еще он сказал, что переживает за тебя... как друг. Он хочет сражаться за тебя, Дженна. Почему ты ему это не позволишь?

— Не знаю.

Я массирую виски, ощущая напряжение.

— Что конкретно он сказал? Ты же ничего ему не рассказывала, так?

— Нет, — она делает паузу. — Он просто хотел знать, в порядке ли ты. Я сказала ему, что ты изо всех сил стараешься жить дальше. Знаю, что тебе не нужна его помощь, но он на самом деле казался искренним.

— Я не знаю, кому можно доверять, Хизер, кроме семьи, конечно же.

— Понимаю, куда ты клонишь. Но посмотри на все с другой стороны. Зачем бы ему хотеть помочь тебе, если он работает на другую сторону?

— Верно, — отвечаю я.

Должна признать, что Хизер в чем-то права, и ее слова отражают мои же мысли, когда я думаю о Престоне. Что, если я повернулась спиной к единственному человеку, который может вытащить меня отсюда? Лишь то, что он не преуспел в первый раз, не значит, что так будет и во второй.

— Думаю, тебе стоит вернуть его.

Хизер понижает голос.

— Что бы ты ни планировала, мне не нравится мысль, что ты будешь делать это в одиночку. Я боюсь за тебя, Дженна.

— Я тоже боюсь.

Хизер пытается проморгаться, пока ее глаза не проясняются.

— Он возвращался?

Я колеблюсь перед ответом.

— Он... нет, не возвращался.

Мне плохо от того, что я вру ей.

— Слава Богу, — она протяжно выдыхает. — Может быть, он не вернется.

— Мы можем лишь надеяться, — произношу я безэмоциональным голосом.

Если бы она только знала правду. Трэвис Слейд просто ждет, когда все уляжется, затем он вернется. Он таит на меня слишком сильную злобу, чтобы он мог уйти, не получив то, что он хочет. Он знает, что не имеет значения, что я в тюрьме. Пока я жива, я угроза его свободе.

Остаток нашего времени вместе, мы говорим о доме и о щенке, которого завела Хизер. Еще она рассказывает мне о Дейве, парне, которого она встретила в Нью-Йорке.

— Он пожарный. Я все еще привыкаю к отношениям на расстоянии.

— Не могу дождаться встречи с ним.

Я улыбаюсь. Надеюсь, это случится раньше, чем позже. Пока моя жизнь стоит на паузе, я счастлива, что Хизер встретила того, кто ей нравится.

В конце визита, она снова заставляет меня дать ей обещание быть осторожной. Незадолго после ее ухода, я получаю звонок от Престона.

— Я только что говорил с твоей сестрой, — говорит он. — Я рад слышать, что ты в порядке.

— Я не в порядке, но знаю, о чем ты.

Делаю глубокий вдох, затем выдыхаю.

— Престон, я передумала, — говорю я, не думая.

— Насчет чего?

— О том, чтобы ты представлял мои интересы, — я умолкаю. — Если твое предложение все еще в силе.

— Конечно же, в силе. Ты же не уволишь меня снова, да?

— Только если у меня не будет причин считать, что ты работаешь не на меня.

Он усмехается.

— Могу поклясться тебе, что нет. И я действительно хочу доказать твою невиновность.

Хоть даже одно время я не доверяла ему, разговор с ним заставляет меня чувствовать себя так, словно я разговариваю с другом.

— Хорошо, — говорю я. — Давай это сделаем.

Он говорит мне, что уладит дела, а затем придет и увидится со мной через пару дней. Когда он придет, я расскажу ему все, о чем он еще не знает, уродливую правду о том, что Трэвис сделал со мной. Это может придать ему мотивации ускориться.

Но пока он работает со своей стороны, я буду продолжать свои дела при помощи Саншайн.

Я не стану делиться своими планами с Престоном. Не хочу, чтобы он отговаривал меня. Лишь одно я знаю наверняка: не могу просто сидеть и ждать, что все разрешится само собой. Моя вера в систему полностью уничтожена.

Глава 20

Я просыпаюсь с дурным предчувствием, таким, которое случается, когда вот-вот произойдет что-то ужасное. Но такое предчувствие для меня не ново. Пока Трэвис на свободе, всегда есть вероятность, что в любую минуту произойдет нечто ужасное. Я не имею понятия, как далеко он зайдет, ведомый своей большой одержимостью.

— Ты в порядке, Дженна? — спрашивает Саншайн, делая утреннюю разминку.

Другие мои сокамерницы уже ушли на свое утреннее дежурство на кухне и в прачечной.

— Не знаю.

Я зарываюсь пальцами в волосы.

— Просто у меня дурное предчувствие.

— Ну, может быть, я помогу тебе почувствовать себя лучше.

Она завершает разминку и заправляет койку.

— Мой брат придет сегодня с визитом. Ты знаешь, что это значит. Для тебя сегодня может оказаться хорошим днем. По телефону он сказал мне, что ему удалось войти.

С тех пор, как я назвала Саншайн адрес, чтобы она передала его брату, новостей не было. На самом деле, я почти утратила надежду, что они смогут помочь мне.

В моем животе появляются бабочки. Что-то похожее на радость. Я с нетерпением хочу узнать, что ее брат обнаружил в квартире Трэвиса. Однозначно, там должны быть какие-нибудь улики против клуба «Полночь». Но вопрос в том, даже, если он найдет улики, которые могут оправдать меня, как я смогу использовать их законным образом? Я не уверена, что украденные доказательства будут засчитаны в суде.

— Спасибо тебе за помощь, Саншайн.

— Женщина, перестань уже меня благодарить. Я в тюрьме, потому что виновна, так что я согласна со своим приговором. Но меня бесит, когда невиновный человек отбывает наказание за преступление, которого не совершал. Я сделаю все, что в моих силах, чтобы помочь тебе прищучить этого ублюдка.

— Ты действительно считаешь, что я невиновна? — спрашиваю я с теплой улыбкой на губах.

— Да. Так уж вышло, что я хорошо разбираюсь в людях. У тебя не глаза убийцы.

Я открываю рот, чтобы ответить, но ком в горле мешает мне говорить. От ее непоколебимой веры в мою невиновность у меня на глаза наворачиваются слезы.

По ощущениям проходит вечность до прихода часов посещения. Но мне не удастся увидеться с Саншайн до ланча, потому что сразу после свидания ей нужно идти работать в прачечной.

Как только я встречаюсь с ней взглядом, понимаю, что что-то не так. Так как вокруг нас люди, вместо слов, она просто качает головой. У меня падает сердце. Мне не стоило так сильно надеяться.

Когда нас выпускают во двор, нам удается поговорить нормально.

— Прости, Дженна, — говорит она. — Мне жаль.

— Он ничего не нашел, так?

Я сжимаю руки по бокам, мои короткие ногти впиваются в ладони.

— Да. Он ничего не нашел. Наверное, тот парень хорошо замел следы. Если бы что-то было, Расти нашел бы.

— Что насчет его лэптопа? Он...

— Его не было в квартире, — вздыхает Саншайн. — Хотела бы я помочь тебе большим.

— Ты сделала более чем достаточно, — произношу я надломленным шепотом. — Все равно спасибо. Я очень это ценю.

Она рисковала ради меня, и это многое значит.

— Он сказал, что вернется через пару дней, чтобы еще раз проверить. Может быть, в следующий раз ему повезет. Преступники постоянно допускают ошибки.

— Очень надеюсь.

Я не говорю Саншайн, что сомневаюсь, что Трэвис может быть неосторожным. Но не могу отказаться от предложения. Как я могу сдать? В конце концов, дело не только во мне. Трэвис и его друзья убийцы представляют опасность не только для меня. Если их не поймают, многие жизни будут погублены.

Хватаюсь за свой живот. Мысль о том, что я могу провести остаток жизни в тюрьме, вызывает у меня тошноту. Хотела бы я знать, что делать дальше.

— Ты будешь в порядке, — говорит Саншайн. — Ты должна оставаться сильной.

— Я не знаю, сколько еще вынесу. Я так боюсь.

Я могу быть с ней честной. Что еще мне терять?

Саншайн касается моей руки.

— Если это не сработает, жизнь за решеткой не так уж плоха. С правильными друзьями, как я, ты сможешь жить нормальной жизнью. Подумай о бесплатной еде и жилье. Просто представляй, что это какой-то ненормальный отель.

Я против воли смеюсь. Она права, мне не нужно будет беспокоиться об оплате счетов. Но я хочу быть не здесь. Я хочу назад свою свободу. Если я когда-нибудь выйду из тюрьмы, никогда не буду жаловаться снова на жизнь. Я всегда буду напоминать себе, что жизнь может быть намного хуже. Я бы заплатила любую цену за возможность свободно перемещаться.

Вернувшись в нашу камеру, пока Саншайн и другие играют в карты, я лежу на матрасе и лихорадочно ищу ответы.

Если бы Расти что-нибудь нашел, я бы передала эту информацию Престону. Может быть, он бы смог использовать ее, чтобы найти способ меня освободить. Наверное, теперь, когда мой план пошел крахом, моя единственная надежда — это он.

Он несколько дней не звонил мне, так что я не имею понятия, что он предпринимает со своей стороны. Я молюсь, чтобы вскоре он помог мне. Я не знаю, как долго еще я протяну, не сойдя с ума. Я чувствую себя так, будто день за днем я по кусочку исчезаю. Хоть даже я и дышу, внутри я умираю.

Я не могу просто сидеть и ничего не делать. Я должна действовать, несмотря на разочарование, составить другой план. Я даже надеюсь, что Трэвис вернется, чтобы у меня появилась возможность использовать заточку. Может быть, только его кровь докажет, что он был здесь. Если он когда-нибудь появится снова, не сможет уйти целым и невредимым.

Глава 21

— Сегодня день работы на огороде, Дженна, — бросает Козлиная бородка через плечо после пересчета заключенных. Еще он говорит Саншайн, что она заменит меня.

Я киваю, не спрашивая, почему нам дали новую работу. Когда тебе приказывают что-то сделать, ты это делаешь, не задавая вопросов. Но я падаю духом при мысли о работе на огороде.

Хоть мытье унитазов вызывает у меня отвращение, я начала наслаждаться своим временем наедине, уборка — хороший способ для меня прояснить голову. В "Крик" несколько санитарных комнат, моя самая маленькая, что значит, что на выполнение работы достаточно одного человека.

На огороде работает одновременно пять или шесть человек.

По тому, что мне рассказывали, огород в тюремном дворике завели всего три месяца назад. Перед моим приездом в «Крик», начальница тюрьмы подумала, что неплохо было бы заключенным самим выращивать себе еду.

Я бросаю взгляд на лицо Саншайн, на котором написано отвращение.

— Что такое? — я выгибаю бровь. — Почему ты выглядишь так, будто проглотила лягушку?

— От мысли, что мне придется оттирать дерьмо, мне хочется блевать.

— Все не так уж плохо, — говорю я со смехом. — Ты к этому привыкнешь.

По крайней мере, я привыкла.

— Заткнись.

Саншайн тычет меня в ребра. Мы сидим бок о бок на ее койке. Иногда по ночам мы меняемся местами, она спит на матрасе, а я на койке.

— Тебе ли не знать, что это отвратительно. Лучше смывай-ка за собой в туалете. Я не буду отчищать и твое дерьмо.

Я понимаю ее недовольство. Не очень-то радует переходить от работы в прачечной к работе в санитарной комнате.

— Обещаю.

Подавляю смешок. Не так уж часто удается посмеяться в тюрьме, но Саншайн умеет меня рассмешить. Смех одновременно приносит мне облегчение и пугает меня. Что, если мой разум начинает мириться с жизнью за решеткой? Что, если подсознательно я начинают воспринимать тюрьму своим домом?

После завтрака, мы все идем на свою работу. Перед тем, как я покидаю камеру, Саншайн отдает мне мою заточку, и я помещаю ее между грудей. Она утверждает, что прячет ее лучше меня. Она отдает ее мне лишь тогда, когда мы уходим из камеры. Я ношу ее с собой на случай, если меня снова отправят в яму.

На огороде во дворике нас работает всего трое. Козлиная бородка ходит вокруг, удостовераясь, что мы хорошо себя ведем.

Каждый раз, как я смотрю на него, вспоминаю Трэвиса, и у меня болезненно сжимается сердце.

Прошло много дней, и не произошло ничего экстраординарного, но я все настороже. Прошлой ночью, я проснулась от еще одного кошмара и подумала, что почувствовала запах одеколona Трэвиса. Но дверь была заперта, и мы бы услышали, если бы ее отпирали. Я решила, что это лишь игры моего разума.

Игнорируя окружающих, я вырываю сорняки по краям участка и бросаю их в красное

ведерко.

Ни одна из нас не разговаривает, мы сосредоточены на работе. Пока я занимаюсь сорняками, другие сажают семена или раскапывают землю.

Наконец, мы делаем перерыв на обед, и Козлиная бородка приказывает нам возвращаться в камеры. Я последняя, кто проходит мимо него, и он хватается меня за руку, не слишком сильно, но достаточно крепко, чтобы послать мне сообщение.

— Отнеси семена и ведра обратно в сарай. Шустрее.

Со сжатыми зубами, я выдергиваю руку из его хватки и делаю, как мне велено. Пока он ждет меня на краю огорода, я сваливаю мешки с семенами в ведра и отношу все в сарай. Издалека, я вижу, как другие заключенные исчезают внутри здания.

Когда я открываю скрипучую дверь сарая, у меня урчит в животе.

— Что ты копаешься? — кричит снаружи Козлиная бородка.

Я игнорирую его и вхожу в темный сарай. Как и большинство помещений в «Крик», тут пахнет гнилью.

Ставлю ведра там, где они стоят у стены, а мешки с семенами кладу на полку.

Затем, когда я уже собираюсь повернуться, волоски сзади на моей шее встают дыбом. Мне не нужно оборачиваться, чтобы понять, что Козлиная бородка прошел за мной в сарай. Я должна была знать, что так и будет.

Я медленно поворачиваюсь, затаив дыхание.

— Что...

Слова умирают на моем языке, а мое сердце покрывается льдом.

Передо мной не Козлиная бородка, а Трэвис, одетый в форму охранника и с усами.

Мои внутренности сжимаются от страха, когда до меня доходит, что Козлиной бородке приказали отослать меня в сарай.

— Привет, Дженна.

Трэвис закрывает дверь.

К счастью, из одного из крошечных окон льется немного света.

Он встает со стула, на котором сидит, расположенном не так далеко от двери. Как я могла пройти мимо него и не заметить его присутствия?

Я открываю рот, готовясь закричать, но не выходит ни звука. Это как в моих кошмарах, когда мне снится Трэвис, а я не могу закричать.

— Не бойся ты так.

Он на шаг приближается. Я делаю несколько шагов назад, упираюсь спиной в полки. Я ни за что не смогу покинуть это небольшое, тесное помещение, не проходя мимо него.

— Я здесь, чтобы вернуть тебе твою свободу. Этого же ты хочешь, так, Дженна?

Я моргаю, страх вцепляется когтями в мой позвоночник. Он застал меня врасплох. Все это время я думала, что он снова нападет на меня в яме.

— Не переживай. Я спланировал все до мельчайшей детали.

Он тянется в карман и достает моток толстой веревки.

— Я трахнул тебя, как и обещал Уинстону. Теперь пришло время тебе присоединиться к нему.

— Нет, — удается произнести мне, у меня пересыхает во рту.

Это простое слово — триггер, который возвращает меня в реальность. Внезапный выброс адреналина растекается по моим венам, и я хватаю ближайший объект, который могу использовать, как оружие, одно из ведер, которое я принесла.

— Я закричу, если ты тронешь меня.

Он смеется, когда мои руки сжимаются на ручке ведра.

— Не глупи. Никто тебя не услышит. Все внутри, заняты своим обедом. К тому времени, как они пойдут искать тебя, все будет закончено.

— Ты не станешь...

— О, да, стану.

Он оборачивает веревку вокруг своей руки с садистской улыбкой на лице.

— Я прикончу тебя, и сделаю все так, что будет похоже на суицид.

Я кричу со всей силы.

— Не смей приближаться ко мне, — кричу я так громко, как позволяет мне мой дрожащий голос.

Я сомневаюсь, что кто-либо меня услышит. Сарай не только вдалеке от здания, но Козлиная борода, вероятно, все еще снаружи, удостоверяется, что никто не выйдет из здания.

— Тихо, Дженна.

Только, когда он бросается на меня, а я отпрыгиваю в сторону, сшибая предметы на пол, я вспоминаю о своем оружии.

— Отвали.

До того, как он потянется ко мне снова, я тянусь вверх и засовываю руку между грудей, чтобы схватить оружие и наставить на него.

— Подойдешь ко мне, и я... Я...

— Ты что, сладкая?

Он усмехается.

— Ты думаешь, эта маленькая штучка причинит мне вред?

— Проверь, — произношу я сквозь сжатые зубы. Во мне кипит гнев. Все кончено.

Может быть, я буду мертва, но я не сдамся без борьбы. Держа в одной руке свое оружие, в другую я снова хватаю ведро.

— Один из нас умрет, и это буду не я.

Если он думал, что все будет легко, что он просто войдет и убьет меня, не оставив следов, он ошибался.

Он качает головой.

— Не будь глупой. Прекрати оттягивать неизбежное.

Вместо слов, я швыряю ведро ему в голову, он подныривает. Он бросается на меня слишком быстро, чтобы я могла уклониться.

Он врзается в меня своим телом, выбивая воздух из моих легких. Я ударяюсь поясницей о полки и падаю на пол. Но, несмотря на боль от удара, я крепко сжимаю пальцами свое оружие. Он падает на меня сверху, пытается выбить его у меня из руки. Я сопротивляюсь. Когда его плечо оказывается близко от моего рта, я погружаю в него зубы. От резкого удара, которым он наказывает меня, у меня появляется головокружение. Я не успеваю укунить его снова, он хватает меня за запястье и вырывает заточку у меня из руки, подносит ее к моей шее. Острие заточенного гвоздя холодит мне кожу, страх сжимается вокруг моего горла.

Зло горит в его глазах, я боюсь шевелиться и дышать.

— Изменение планов, — говорит он, запыхавшийся. — Прежде чем отправить тебя в ад, думаю, я снова накажу тебя своим членом за то, что ты такая плохая девочка.

Пока я дрожу под ним, он засовывает мое оружие в свой задний карман и начинает раздевать меня. Я снова кричу, пытаюсь оттолкнуть его, но он вжимает меня в грязный пол, придавливая меня своим тяжелым телом.

Не успеваю уследить за ним. Его рука уже оказывается в моих трусиках, и он засовывает в меня палец. От страха перед тем, что произойдет, я замираю. Слезы текут из уголков моих глаз. Вот оно? Так закончится моя жизнь?

— Тебе нравится, а?

Он проводит языком по нижней губе.

Я сильнее пытаюсь оттолкнуть его, хватаю его за одежду, а затем мне в голову приходит мысль. Действую, пока не стало поздно, пока он не понял, что делаю. Я перемещаю руки к его заднему карману, делая вид, что все еще дерусь с ним. Пока он отвлечен тем, что целует меня в шею, я нахожу пальцами заточку.

Не давая ему причинить мне еще больше боли, я выдергиваю ее и вонзаю ее ему в плечо, дважды. Заточка небольшая, но достаточно острая, чтобы вызвать много вреда.

— Сука.

Его утробный рык царапает мои перепонки, он скатывается с меня. Пока он корчится от боли, я сажусь и снова бросаюсь на него. Он пытается отнять у меня оружие, и заточка погружается ему в руку. Теперь он кричит громко и с мукой в голосе, наслаждение для моих ушей.

Я готова ударить его снова, достаточно ослабить его, чтобы я могла уйти, но он вскарабкивается на ноги и ковыляет к двери, рывком открывает ее и выбегает наружу, рукой держась за кровоточащее плечо.

Как только он уходит, меня начинают сотрясать рыдания. Я слишком слаба, чтобы стоять, но я не могу оставаться здесь. Он может вернуться.

Задыхаясь, я ползу к двери. Снаружи сарая, я замечаю что-то черное на земле. У меня подскакивает сердце, когда я понимаю, что это. Его телефон. Он оставил телефон. Я чувствую прилив энергии.

Я хватаю телефон и заползаю обратно в сарай, чтобы его включить. Не могу зайти, потому что тут стоит пароль. Но все нормально. У меня в руках вещь, в которой могут быть улики.

Я прячу телефон в штанах, отряхиваюсь и поправляю одежду, игнорирую боль между ног. Перед тем, как покинуть сарай, я вытираю кровь с рук тряпкой.

Оказавшись снаружи, я спешу к зданию. Козлиной бородки не видно. Может быть, он помогает Трэвису выйти из тюремных ворот незамеченным.

Я держу телефон Трэвиса при себе, пока не выключат свет. Козлиная бородка все еще не появился, что хорошо. Я не готова к его ярости. Не хочу знать, что он сделает со мной, если до меня доберется.

В темноте, я ползу к койке Саншайн и показываю ей телефон, рассказываю ей шепотом, что случилось. Она говорит мне, что умеет хорошо взламывать пароли.

— Возвращайся в постель, — шепчет она. — Я все сделаю к утру.

Это не занимает много времени. Спустя примерно час, она бросает телефон мне.

Мое сердце подскакивает к горлу, пока я пролистываю каждую папку. Затем я нахожу то, что искала, видео, на котором Трэвис насилует меня в черной яме. Я вспоминаю красный мигающий свет, который видела перед тем, как отключиться. Это была камера, которую, возможно, установил для него Козлиная бородка.

— Да, — шепчу я тихо.

Я могу не только доказать, что он терроризировал меня за решеткой, но на видео, он признается в убийстве Уинстона. Это все доказательство, которое мне нужно, чтобы прищучить сукиного сына.

Единственная проблема в том, что я не имею понятия, как передать телефон Престону, чтобы меня не наказали за контрабанду. Я уверена, что Козлиная борода уже поговорил с Трэвисом и знает, что его босс потерял свой телефон. Это лишь вопрос времени, когда он придет за ним.

Но я могу кое-что сделать до того, как он доберется до меня. Я нажимаю на приложение, отправляющее электронные письма. Так как Трэвис уже авторизован, мне легко привести в исполнение свой план. Я прикрепляю оба видео к письму, со своим именем в поле от кого, и отправляю его Хизер, давая ей инструкцию переслать его Престону, как можно быстрее. Я бы сделала это сама, но я не помню его электронный адрес.

Теперь я могу лишь сидеть и ждать, пока колесики правосудия вертятся.

Глава 22

— Прости, Дженна, не мог приехать раньше, — говорит Престон после того, как мы оба занимаем стулья. — Меня не было в городе. Как ты?

Хоть он выглядит красивым в своей накрахмаленной голубой рубашке и джинсах, его глаза выглядят усталыми, будто он не спал много дней.

— Я готова свалить отсюда.

Сжимаю руки на коленях, заставляя себя сохранять самообладание.

— Я попросила свою сестру отправить тебе кое-что по электронной почте. Ты это получил?

С нападения Трэвиса прошло три дня, и хоть я звонила Престону несколько раз, он не перезванивал и не приезжал увидеться, до этого момента.

Я беспокоилась, что меня поймают с телефоном Трэвиса, так что отдала его Саншайн. Она все еще лучшая в том, чтобы что-то спрятать. Мне нужно было, чтобы телефон лежал в надежном месте на случай, если Престон не получил видео.

С каждым проходившим днем, пока я была за решеткой, я боялась, что что-то пойдет не так, или же доказательства, которые я нашла будут не достаточно существенными, чтобы спасти меня. Хорошо, что я не видела Козлиную борода со дня нападения. Я жила в постоянном страхе натолкнуться на него, боялась последствий своих действий.

Престон качает головой.

— Я получил электронное письмо твоей сестры. Поэтому я здесь.

Он наклоняется вперед.

— Как ты это заполучила?

— Видео? — шепчу я.

Мой страх, что он работает на Трэвиса, проявляется с новой силой. Что, если он уничтожит доказательства?

— Какая разница, откуда я это взяла?

— Я просто хочу убедиться, что ты не вляпалась в неприятности, пока это добывала.

Хоть я в ужасе, не думаю, что у меня есть выбор, кроме, как довериться ему. Я делаю судорожный вздох.

— Он был здесь... Трэвис был здесь. Он пытался убить меня. Но хотел, чтобы это выглядело как суицид.

У меня перехватывает дыхание, я пытаюсь сдержать слезы, вспоминая то, что мной случилось. Если бы Трэвис победил, я бы уже была мертва.

— Он что? Проклятье.

Престон наклоняется вперед, в его глазах читается шок.

— Ты в порядке? Он причинил тебе вред?

— Просто вытащи меня, пожалуйста. Он вернется.

Я прикусываю нижнюю губу, чтобы унять дрожь.

— Я больше не вынесу.

— Хорошо.

Престон проводит рукой по лбу.

— Видео, которое ты прислала, пришло с запозданием.

Я падаю духом, у меня начинает кружиться голова.

— Я не понимаю. На видео он во всем признался. Это все доказательство, которое нам нужно, чтобы доказать мою невиновность.

— Да, он признался. Я видел все, что он сделал с тобой.

На его лицо набегают тени, но вскоре его лицо проясняется.

— Причина, по которой я сказал, что видео пришло с запозданием, потому, что я уже собрал против него улики.

— О чем ты? Какие улики?

— Миссис Роза Реймонд, пожилая женщина, ставшая ключевым свидетелем на суде, призналась, что ей заплатили за ложные показания.

— Миссис Реймонд?

Мой голос дрожит.

— Она решила сознаться? Я же говорила тебе, что она лжет.

— И ты была права. Она подтвердила, что при тебе не было оружия, когда ты вошла в ее квартиру.

Престон запускает руку в волосы.

— Что более важно, она сказала, что подслушала ваш разговор с Трэвисом, состоявшийся перед тем, как приехали копы. Она слышала, как он признался в убийстве своего брата.

— Это правда?

Я наклоняюсь вперед, неспособная поверить своим ушам. Я так долго ждала хороших новостей и теперь, когда я, наконец, слышу их, мой мозг просто взрывается.

— Есть еще кое-что, — продолжает Престон. — Когда копы пришли в квартиру Трэвиса с ордером на обыск, они нашли еще больше улик, связывающих его с преступлением, включая еще одну копию видео, которое ты отправила своей сестре. Она была обнаружена на его ноутбуке.

— Что теперь? Я могу идти?

Я едва могу дышать из-за нетерпения и облегчения.

— Да. Трэвис за решеткой, как и охранник, который помогал ему пробираться в тюрьму.

Престон прочищает горло.

— Еще найдены улики против клуба «Полночь». Ты была права, он существует и, пока мы говорим, осуществляются аресты. Члены клуба их не ожидают.

— Все и правда кончено? Слава богу.

Я касаюсь руками своих дрожащих губ.

— Спасибо тебе. Спасибо тебе большое, Престон. Когда я могу отсюда уйти?

Хоть я хочу узнать больше об арестах, моя свобода теперь в пределах досягаемости, и я готова протянуть к ней руку.

— Тебя выпустят к вечеру.

Он продолжает говорить, но я потеряла дар речи, меня захлестывают эмоции.

— Мои поздравления, Дженна. Теперь ты свободная женщина. Мне жаль, через что тебе пришлось пройти.

— Спасибо тебе.

Я вытираю слезу со щеки.

— Но я все еще не понимаю, как во время суда не появилось ни одной улики, доказывающей мою невиновность. Как такое могло случиться?

— Этому есть объяснение.

Престон с силой выдыхает.

— Жюри присяжных было подкуплено.

— Воу! Они действительно были решительно настроены посадить меня за решетку.

Я закрываю глаза, внезапно почувствовав себя уставшей.

— Знаешь что? Это больше неважно. Я готова отправиться домой.

Открываю глаза и улыбаюсь ему горькой улыбкой. Еще не выйдя из тюремных ворот, я уже ощущаю себя свободной.

Престон встает и обнимает меня. Я удерживаю его в объятиях чуть дольше положенного, внезапно разразившись слезами облегчения. Затем мы отстраняемся друг от друга, и он идет приступать к работе над процессом, который приведет к моему освобождению.

Я с нетерпением жду, когда покину «Крик». В этом месте я буду скучать лишь по Саншайн, моей новой подруге.

Глава 23

Трэвис

Тут темно, холодно и воняет дерьмом, забившим туалет, который находится в паре дюймов от моей головы. В этом месте починка унитазов не в приоритете.

Я задерживаю дыхание, но вонь продолжает заплывать мне в ноздри.

Может быть, сон поможет мне забыть о нахождении в этой чертовой дыре, но кто может уснуть, когда пять членососов храпят, как будто им за это заплатили? Я не сплю до утра и, как только получаю разрешение сделать звонок, снова звоню Уолтеру. Когда он не берет трубку, я впечатываю трубку на место со сжатыми зубами. Где, бл*ть, он?

Меня арестовали два дня назад, а он не удосужился прийти и увидеться со мной, хоть я оставил множество сообщений с просьбой о помощи.

Не так все должно быть, я не должен быть за решеткой, а эта сука на свободе. Я приблизился так близко, так близко к получению того, что я хотел. Теперь мне приходится разбираться со всем этим дерьмом.

Я вынимаю руки из волос и звоню снова, в этот раз звонок отправляется прямиком на голосовую почту. Если он избегает меня, то полон дерьма. Вот я здесь, держу рот на замке о клубе «Полночь», а он не выполняет свою чертову работу, заключающуюся в том, что он должен вытащить меня из этого проклятого места.

— Свали, сука.

Крупный мужчина с лысой головой и татуировками, покрывающими каждый дюйм на его шее, выхватывает у меня телефон и толкает меня в сторону. Меня простреливает боль, когда его мясистая рука вступает в контакт с тем местом, в которое атаковала меня Дженна.

Игнорируя боль, я выпрямляюсь во весь рост и пристально смотрю на него. Лучше показать, что я не трус с самого начала, хоть и не задержусь здесь.

У меня нет сомнений, что Уолтер уже тянет за ниточки, чтобы вытащить меня. Может быть, для него слишком рискованно связываться со мной. Все улики против меня, но он достаточно влиятелен, чтобы сделать невозможное. Мне нужно лишь набраться терпения.

— У тебя, бл*ть, какая-то проблема?

Парень с телефоном раздувает грудь и скалит на меня зубы.

Я с усилием сглатываю и отступаю. В своей камере я держусь особняком, игнорирую своих сокамерников и вонь из проклятого туалета. Я делаю все возможное, чтобы не выйти из себя. Затем приносят обед. Но я игнорирую свое пюре с соусом, отказываясь есть то, что выглядит, как рвота.

После ужина, приходит охранник, чтобы сообщить мне, что у меня посетитель. Это Уолтер, я уверен. Он, наконец, пришел ко мне. Я знал, что придет. Впервые с моего ареста, я иду, пританцовывая. Мне даже все равно, что рука охранника слишком крепко держит меня за предплечье.

Даже выкрики из соседних камер меня не беспокоят. Скоро мне не придется иметь дела с этим дерьмом.

— Куда вы меня ведете, — спрашиваю я, когда он ведет меня на темную лестницу.

Может, я в тюрьме и недолго, но уже знаю, где что.

— Кое-кто хочет увидиться с тобой.

Он захлопывает дверь, ведущую на лестницу.

Я с волнением разворачиваюсь лицом к нему. Затем мне в голову приходит мысль. Уолтер хочет устроить мне побег. Должно быть так. Мои плечи опускаются, когда я понимаю, что все под контролем.

Охранник включает фонарик.

— Твой посетитель ждет тебя внизу лестницы.

— Хорошо. Спасибо вам за хорошо выполненную работу.

Я готовлюсь спуститься по лестнице.

Охранник усмехается.

— Моя работа еще не выполнена.

Я не успеваю понять, что он имеет в виду, как мужик врывается в меня телом с такой силой, что сшибает меня с ног.

— Что за...

Мои слова превращаются в вопль, когда я падаю в темноту. У меня нет шанса сохранить равновесие.

Я жестко ударяюсь о выступы лестницы, затем кубарем качусь вниз до самого конца. Не считая боли, все кажется целым. Кроме моего эго, конечно же.

Со стоном сажусь. В этот же миг, дверь выхода открывается, а затем так же быстро закрывается. Вдруг, надо мной нависает тень. Тут слишком темно, чтобы разглядеть лицо этого человека, но его одеколон невозможно ни с чем спутать.

— Привет, Трэвис, — говорит Уолтер.

Внезапно помещение заполняет свет. В качестве маскировки, Уолтер надел тюремную форму. Я удивлен, что он пришел выполнить работу сам.

— Уолт, слава Богу, ты здесь.

Поднимаю руки вверх.

— Помоги мне подняться.

— Я много чего хочу сделать для тебя, брат. Но только не помочь тебе.

— Что ты... что ты имеешь в виду? Я думал...

— Ты ошибался.

Он тянется в задний карман и достает пистолет с глушителем. Наставляет его мне на пах.

— Хочешь знать, что я думаю? Я думаю, как убить тебя, чтобы это было как можно больнее.

В страхе, я поднимаю руки, чтобы защититься.

— Я никому ничего не говорил, клянусь.

Он потирает свой шрам.

— Тебе и не надо, глупец. Ты был достаточно безрассуден, чтобы оставить все на своем чертовом компьютере.

Он втягивает воздух сквозь сжатые зубы.

— Благодаря тебе, я в этом ебаном месте. К счастью для меня, я знаю, как отсюда выйти. А для тебя это конец пути.

Мне не нужно смотреть на свое лицо, чтобы знать, какого оно цвета. Неудивительно, что я не мог с ним связаться. Я облажался.

— Прости, мужик. Я...

— Пошел ты нах*й, Трэвис.

Он поднимает пистолет, затем опускает его снова.

— Я предупреждал тебя, но ты все равно устраивал дерьмо за моей спиной. Ты испоганил мне бизнес. Теперь заплатишь за свою ошибку.

Он снова наставляет пистолет мне на пах.

— Уже больше не потрепашешься, — рычит он.

Я с ужасом наблюдаю, как его палец напрягается на курке.

— Пожалуйста, подожди, — молю я сквозь сдавленное горло. Но уже слишком поздно.

Я кричу, закрывая руками пострадавший пах. Руки становятся липкими и красными от крови. Ублюдок действительно выстрелил в меня. По мне прокатываются шок и агония, я сворачиваюсь на боку, прижимая руку к члену и истекая кровью.

Чувствую головокружение от потери крови, но не сдаюсь. Решивший сражаться, я открываю рот и безуспешно пытаюсь вдохнуть кислород. А затем по моему телу проходит судорога, и изо рта льется горькая рвота.

— Передай за меня привет своему брату.

Теперь его голос доносится как будто издалека.

Я поднимаю голову от рвоты на несколько дюймов. Мои глаза умоляют его спасти меня.

Он садится на колени рядом со мной.

— Все кончено, Трэвис. Ты достаточно пожил. Будет больно.

Он баюкает мою голову. В его руках появляется острая бритва. Через пару секунд, она со свистом проносится у моей шеи, перерезая мое горло.

Игра окончена, а я еще даже не начинал жить.

Эпилог

Дженна

Два года спустя

— Вы уверены насчет этого?

Я наклоняюсь вперед, и зажимаю руки между коленей, чтобы унять дрожь.

— Да, мэм. Все написано черным по белому.

Дэниэл Смит показывает на бумаге, лежащие на его кейсе.

— Мистер Слейд четко заявил, что хочет, чтобы курорт на Мальдивах стал подарком на ваш день рождения в этом году.

Я трясую головой, пока в моей голове проносятся воспоминания, как мы с Уинстоном отдыхали на Мальдивах перед тем, как все превратилось в ад. Кто бы мог подумать, что всего через несколько недель, он будет мертв, а я окажусь за решеткой за его убийство?

После того, как я вышла из «Крик», сделала все, чтобы оставить воспоминания о нем позади. Было нелегко забыть, так как лицо Уинстона постоянно мелькало в новостях. Все, что последовало за его смертью, включая мое несправедливое тюремное заключение, освещалась в газетах. Очевидно, что Трэвиса жестоко убил в тюрьме босс клуба «Полночь». Этот самый мужчина вскоре был застрелен при попытке побега в тот же день.

Я испытала облегчение, когда узнала, что они оба больше не будут ходить по земле, убивать невинных людей. Думала, что как только Трэвис окажется за решеткой, отбывая наказание за свои преступления, я буду в безопасности, но через два дня после моего выхода из тюрьмы, закрылась в квартире, слишком боясь выходить наружу. Я обрела смелость выйти в люди только тогда, когда услышала, что Трэвис мертв.

Теперь, когда я начала что-то похожее на нормальную жизнь, и кошмары перестали мучить меня каждую ночь, прошлое настигло меня снова.

— Не знаю, что сказать, — говорю я адвокату.

— Вы всего лишь должны сказать «да», и я все устрою. Эта недвижимость стоит больше миллиона долларов.

— Миллиона долларов? — бормочу я.

После всего произошедшего, я даже не уверена, что хочу получить деньги Уинстона. После смерти Трэвиса, я ни разу не вспоминала про наследство Уинстона. Мне было все равно, что случится с его деньгами, главное, что оно больше не достанется Трэвису. Я глубоко вздыхаю.

— Мистер Смит, вы не будете возражать, если я свяжусь с вами позже?

— Конечно.

Дэниэл Смит встает на ноги.

— Я целиком и полностью понимаю, что все это неожиданно. Мистер Слейд хотел, чтобы это стало сюрпризом.

Уголки его губ слегка изгибаются. Должно быть, он думает, что я сошла с ума, раз сразу же не ухватилась за этот щедрый подарок.

Я прощаюсь с адвокатом и встаю у окна в гостиной, наблюдая за его отъездом. Он приехал в Мисти Коув лишь для того, чтобы поговорить со мной. Очевидно, он неделями пытался связаться со мной по номеру, который я использовала в Нью-Йорке, но тот больше не существует.

Я уехала из Нью-Йорка через неделю после выхода из тюрьмы и завела новый телефонный номер. Сейчас мой маленький город стал моей безопасной гаванью, и я провожу большинство дней за рисованием и чтением, веду успешный онлайн бизнес, связанный с графическим дизайном. После всех потрясений, я живу тихой жизнью.

— Я надеюсь, что он был здесь с хорошими новостями.

Престон появляется в гостиной и обнимает меня.

— Когда с визитом приходит юрист, никогда не знаешь, какие сюрпризы он с собой принесет.

— Все верно, мистер Выдающийся Адвокат.

Я улыбаюсь ему.

После того, как Престон вытащил меня из тюрьмы, он постоянно проводывал меня, даже часто навещал меня в Мисти Коув, чтобы узнать, чем я занимаюсь. Мы несколько месяцев общались, и я научилась доверять ему снова, наша дружба переросла в нечто большее. Но я согласилась на роман с ним только тогда, когда он пообещал, что мы не будем спешить.

Прошел уже почти год с тех пор, как мы стали парой, ничто меня ни разу не насторожило. Я научилась доверять своей интуиции больше, чем чему-либо другому. Я игнорировала ее и получила урок, который я никогда не забуду.

— Так что он сказал?

Престон притягивает меня ближе, целует в шею.

Я отстраняюсь и наливаю нам по стакану лимонада.

— Лучше присядь.

— Ох. Похоже, что-то плохое.

Он опускается на диван, выражение его лица становится серьезным.

— Все хорошо?

Я сажусь рядом с ним и делаю глоток перед тем, как поделиться с ним новостями.

— Честно говоря, я не знаю, — делаю паузу. — Он сказал мне, что Уинстон подарил мне курорт на Мальдивах. Он стоит больше миллиона долларов. Уинстон должно быть поговорил со своим юристом перед тем, как наши отношения испортились. Очевидно, что он думал, что мы будем счастливо женаты к тому времени. Он недолго прожил, чтобы передумать.

— Воу! Должно быть, для тебя это сюрприз.

Он какое-то время переваривает новости, а затем разворачивает меня лицом к себе.

— Что ты думаешь по этому поводу?

Я массирую виски.

— Без понятия. Я склонна не принимать этот подарок. Я просто хочу оставить все, что напоминает об Уинстоне, позади.

Я беру его за руку.

— Как ты думаешь, как мне поступить?

— Детка, это решение принимать только тебе. Но раз ты спрашиваешь, думаю, что тебе стоит принять его. Ты заслуживаешь это после всего, через что заставил тебя пройти этот человек.

Я задумываюсь.

— Ты прав. Но что я, черт возьми, буду делать с курортом?

Когда я увидела его впервые, сразу же в него влюбилась, но с тех пор многое

изменилось.

— Если я приму его в подарок, может быть, смогу его продать и вложить деньги во что-нибудь полезное. Я могу пожертвовать их.

— Думаю, это замечательная идея. Как насчет того фонда, который ты недавно упоминала, того, что работает с вышедшими из тюрьмы невиновно осужденными людьми.

— Я, определенно, могу это сделать. Или могу основать свой собственный фонд.

— Еще лучше, — отвечает Престон. — Мне жаль, что тебе снова о нем напомнили.

— По крайней мере, ты тут, чтобы помочь мне пережить это.

Я обнимаю его рукой и прижимаюсь своими губами к его. Престон первый мужчина, с которым я чувствую себя в полнейшей безопасности. Я не позволю ничему разрушить то, то мы обрели вместе. Особенно теперь.

Разорвав наш поцелуй, я лучезарно улыбаюсь.

— Я хотела поговорить с тобой, но не хотела делать этого по телефону.

Он все еще живет в Нью-Йорке и приезжает ко мне почти каждый уикенд.

— Ты же меня не бросаешь, да?

Он морщит лицо, делая вид, что ему больно. По крайней мере, он не принимается душить меня, как Уинстон, когда я порвала с ним.

Я смеюсь и качаю головой.

— Ни за что. То, что я скажу, удержит тебя при мне дольше, если ты этого хочешь.

Он выгибает бровь, но не произносит и слова, так что я решаю избавить его от страданий.

— Я беременна.

Я поджимаю губы. В последовавшем молчании, я наблюдаю за каждым мускулом на его лице, пытаясь понять его первоначальную реакцию.

— Ребенок? Наш ребенок? Мой ребенок?

— Ну, ты единственный мужчина, с которым я спала. Когда я вышла из тюрьмы, я была в ужасе от того, что могла забеременеть от Трэвиса после того, как он изнасиловал меня в яме. Невозможно описать словами мое облегчение, когда несколько тестов подтвердили, что я не беременна.

Престон поднимает меня на ноги и удерживает в руках.

— Мы... ты хочешь, чтобы...

— Да, я хочу сохранить ребенка.

Я знаю, что он хотел не спешить, а в том, чтобы завести ребенка, нет ничего неспешного... но, когда я сделала тест на беременность и узнала, что ношу ребенка, то удивилась, но не запаниковала. Для меня это верный знак, что все правильно.

Престон подхватывает меня на руки и с чувством целует в губы.

— Это лучшая новость, которую мне кто-либо сообщал.

— Я не кто-либо, — говорю я, целуя его снова. На вкус он, как печенье с корицей, которым угостила его моя мать, когда мы чуть ранее с ними завтракали. В отличие от Уинстона, Престон любит проводить время с моей семьей и никогда не пытается разлучить меня с людьми, которых я люблю.

Он отстраняется, но не убирает с моих рук свои теплые.

— Дженна, ты уверена, что этого хочешь? Я хочу сказать, мы планировали не спешить.

Я кладу ладонь себе на живот.

— Знаешь что? Уверена. Действительно уверена.

Я смотрю в его любящие глаза.

— Ты знаешь, что я поняла? Иногда все идет не по плану. И мне нравится этот небольшой поворот.

Моя жизнь довольно долго стояла на паузе. Ребенок станет шансом начать все сначала. И потому, как Престон заботился обо мне в мои худшие времена, не могу придумать ни одного мужчину, который станет лучшим отцом для моего ребенка. Мы этого не планировали, но я не жалею. Я готова узнать, что такое абсолютное счастье.

— Я люблю тебя, Дженна Макнелли.

Это первый раз, как Престон говорит мне эти слова, хоть я никогда не нуждалась в том, чтобы услышать их, чтобы понять, что на самом деле он чувствует ко мне.

Переполненная эмоциями, я беру в руки его лицо и говорю от чистого сердца.

— Я тоже люблю тебя, Престон Хорш.

Улыбаюсь ему.

— Я готова снова начать жить с тобой и нашим ребенком.

— Тогда выходи за меня замуж, Дженна. Давай сделаем все правильно.

— Я этого очень хочу, — говорю я, но воспоминания о моем болезненном прошлом сжимает мое сердце.

— Что тебя останавливает?

— Я...

Он прижимается своим лбом к моему так, что я ощущаю его дыхание на своем лице.

— Тебе не нужно бояться, детка. Я никогда не буду таким, как Уинстон Слейд.

— В таком случае, да. Я выйду за тебя.

В последний раз, как я согласилась выйти замуж за мужчину, я испытывала сомнения, но в этот раз, на моей душе легкость. Но я все еще не хочу с головой бросаться в брак, даже, если я беременна.

— Давай не будем торопиться с помолвкой. Давай поженимся после того, как родится ребенок? Тогда она сможет присутствовать на нашей свадьбе.

— Я за.

Престон ставит меня на ноги.

— Мне все равно, когда я женюсь на тебе, главное, что женюсь.

Он относит меня в спальню и опускает меня на постель, затем задирает мою блузку и начинает разговаривать с моим животом. Через какое-то время, он поднимает взгляд с любопытством на лице.

— Почему ты думаешь, что родится девочка?

Я улыбаюсь.

— Материнский инстинкт.

— Ну, надеюсь, ты права. Я хочу маленькую девочку, похожую на тебя.

Он прокладывает дорожку поцелуев снизу вверх по моему телу, добирается с поцелуями до моих губ. Через несколько мгновений, мы оказываемся под простынями, празднуя наше новое начало.

Престон со мной, и это навечно.

Конец

Больше книг на сайте - Knigoed.net